
Виктор Алеветдинов
Седьмая опочивальня для злодея
Книга 3
Авдотья больше не служит
Любовное фэнтези

Виктор Алеветдинов

Авдотья больше не служит

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Авдотья больше не служит / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

От царского брата Авдотья хочет неприлично многого: чтобы он вовремя приходил к ужину.Они уже потеряли тридцать лет. Теперь Павлу прочат корону, а ей предлагают снова отвечать за всё. Авдотья собирается закончить смену и уйти. Но в мастерскую приходит человек, которому Павел нужен мёртвым.Пока магические кланы делят власть, старое покрывало в её сундуке начинает отвечать на чужой зов. Во дворцовых переходах ещё заперты люди, и спасать их придётся той, которая так хорошо умеет заботиться о других.Вот только из царского сна мало выбраться живой. Нужно ещё не согласиться остаться там навсегда — ради любимого человека. Рабочий день закончился. Почему за право уйти приходится драться?Заключительная книга трилогии «Седьмая опочивальня для злодея».

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Моя смена кончилась 5
Глава 2. Имя на чужом знамени 13
Глава 3. Крепления под скатертью 20
Глава 4. Охрана с открытой дверью 27
Глава 5. Земля с живущими на ней 33
Глава 6. Работа под моей подписью 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Виктор Алеветдинов
Авдотья больше не служит

Глава 1. Моя смена кончилась

Авдотья

Клавдия поддела ногтем крепёжную петлю, и край тяжёлого полотнища сполз к подоконнику. Пришлось придержать ткань, чтобы не задеть миску с белилами. В старом крыле опять красили рамы. На моём столе лежали чужие мерки, возле двери ждал корзины обрезков подмастерье, а до встречи с Павлом оставалось меньше часа.

— Здесь давала двойной подхват, — сказала Клавдии. — Верхний ослаб. Видишь светлую полоску?

Она кивнула и потянулась за короткой деревянной планкой.

Позавчера мы вместе прошли её будущие комнаты. Вчера Клавдия сама приняла утреннюю работу и вернула журнал с двумя поправками. Первую признала сразу. О второй спорили до обеда; права в конце оказалась тоже она. Осталось передать оконные крепления и уйти в назначенный час.

Клавдия завела планку под ткань поперёк моих старых стежков.

— Так край будет заметен из коридора, — возразила ей. — Под нижний сгиб убери.

— Тогда при замене надо снимать половину полотнища.

— Зато не торчит.

Она посмотрела на меня снизу вверх. Мы обе стояли на хозяйственном помосте. Между её бровями собралась знакомая складка: Клавдия собиралась сделать по-своему и дать мне полюбоваться результатом.

Отойдя на другую сторону помоста, смотрела, как она прижимает планку и продевает в боковое отверстие двойную нить. Пальцы держала близко к дереву, принимая только нужное натяжение. Ткань собралась складкой, расправилась. Старый подхват обвис.

Планка осталась видна. Из коридора её, пожалуй, и не заметили бы, но мне она мешала.

— Теперь отпусти, — попросила Клавдия.

Убрала ладонь. Полотнище удержалось. Клавдия потянула нижний край, подставила мерную полоску и дождалась, пока отметка перестанет двигаться. Потом вынула старую нить. Для замены теперь хватило бы обычного стула.

Взяла полоску у неё, проверила сама. Держалось в пределах нужной нагрузки. Дальше, к соседнему окну, её крепление ничего не тянуло.

— Надо только здесь подровнять.

Пальцы уже нашли выступающий конец. Клавдия не стала отнимать у меня работу. Просто придержала свой инструмент и подождала.

Убрала руку от торчащего конца. Он нужен был для следующей замены. Подрезать хотелось исключительно потому, что оставила его не моя рука.

Спустились с помоста. Подмастерье тут же подхватил миску и унёс, пока никто не поручил ему ещё что-нибудь. В коридоре пахло тёплым деревом и краской. Из дальней комнаты донёсся стук опрокинутого ведра; по голосам стало ясно, что пострадал только пол.

Клавдия села за мой стол и перевернула страницу журнала. Её широкие буквы не помещались между моими тесными строками. Хотелось тут же найти другую книгу. Вместо этого подвинула ей чистый лист: сама выберет, в чём удобнее работать.

Два ключа для передачи смены оставила возле журнала, а свой, от личного сундука, убрала в сумку. Остальные ещё утром забрал дежурный.

— До восьми остаюсь здесь, — сказала Клавдия, вписывая время. — Потом принимают нижние комнаты. Если сверху принесут ткань, завтра осмотрим.

Дождалась подписи и сняла фартук.

Счистила с платья светлую полосу, убрала за ухо выбившуюся прядь. Достала из сумки новый платок, накинула на плечи и повернулась к зеркалу над умывальником.

На прилавке цвет казался спокойнее. Здесь синий был такой густой, что лицо рядом с ним выглядело непривычным. Клавдия подняла голову от журнала.

— Хороший.

— Для улицы брала. Шею закрывать.

— У нас все платки шею закрывают.

Она опять склонилась над книгой. Я поправила край платка возле воротника, теперь уже без необходимости. На улице можно было обойтись старым серым. Он до сих пор лежал в сумке, аккуратно сложенный, будто ждал, когда у хозяйки пройдёт эта затея.

У дверей пришлось отступить перед посыльным. Парень держал под мышкой плоский свёрток и явно обрадовался, что застал меня.

В малой гостиной к вечеру собирались люди. Просили помочь с подготовкой: проверить покрытие над столом, распорядиться светом и остаться хотя бы до подачи горячего. Работы, по его словам, было немного. Такое количество работы в старом крыле почему-то всегда требовало живого человека до ночи.

Выслушала, взяла протянутую записку. Внизу стояло привычное: «Авдотье Петровне, по возможности».

— Передай нынешней дежурной.

— Вы уже уходите?

— Смена передана. Клавдия Степановна за столом.

Клавдия отложила перо и спросила, к какому часу нужна гостиная. Парень переступил порог, заговорил про число мест. Уже на лестнице услышала, как она уточняет оплату вечерней подготовки. Ответа не расслышала: дверь за спиной закрылась.

Возле галереи обернулась. На знакомом окне появилась Клавдия, отодвинула занавеску и стала смотреть крепления снаружи. Увидев меня, махнула свободной рукой. Махнула ей в ответ и пошла дальше.

В кофейной на углу нашлись два свободных стола. Один стоял возле окна: через него было видно ворота служебного двора и часть дороги от старого крыла. За другим, у стены, сидевшему оставались на обозрение медный кофейник, полка с посудой и чья-то оставленная шляпа.

Выбрала второй. Сняла платок, устроила сумку на соседнем стуле. Пришла раньше: оставалось целых четверть часа, в которые никто ещё не опоздал.

Попросила кофе без сахара. Служитель поставил передо мной чашку, а вторую оставил на подносе, дождавшись кивка. Можно было сидеть, греть пальцы и смотреть, как через приоткрытую дверь проходят люди. В сумке лежала записная книжка, но доставать её не стала.

Павел появился, когда в чашке ещё поднимался пар. Придержал дверь для выходившей женщины, пропустил следом мальчика с корзинкой и остановился посреди кофейной, высматривая меня возле окна. Помахала ему от стены. Он улыбнулся, и пока шёл между столами, успела пожалеть, что не выбрала место ближе к входу.

Пальцы сами освободили для него стул. Потом захотелось снять с него плащ, передвинуть чашку, предложить подушку, которой здесь не было. Ограничилась тем, что убрала сумку на пол.

— Здесь лучше, — сказала ему. — От окна тянет.

Павел взглянул на застёгнутую раму, потом на мой платок. Возражать не стал. Снял плащ сам, повесил на спинку и положил на стол небольшой бумажный пакет.

— Прошёл мимо лавки. У них ещё делают грушевую.

Прежде Павел приносил такую пастилу, когда удавалось выкроить вечер. Иногда успевал только положить свёрток на край моего рабочего стола и уйти. В лавке её по-прежнему заворачивали в белую бумагу, липкую от сахара.

Он подцепил нитку, не сразу попал ногтем под узел. Правый большой палец слушался хуже остальных. Знакомое движение помощи пришлось остановить, прижав руку к колену. Павел повернул пакет другой стороной, нашёл конец и освободил бумагу.

Отрезала кусочек пастилы краем ложки. Она прилипла к металлу, вытянулась, наконец отстала. Павел смотрел с таким серьёзным ожиданием, что захотелось улыбнуться ещё до того, как попробовала.

— Та самая, — сказала с набитым ртом.

Он заметно обрадовался и потянул ко мне сахарницу.

— Теперь без него.

— Совсем?

Отодвинула сахарницу обратно. Раньше каждый раз приходилось слушать, что настоящий кофе испорчен. За тридцать лет успела привыкнуть к другому. Просто однажды стало вкуснее так.

Он посмотрел на мой кофе, понюхал свой и попробовал маленьким глотком.

— Горький.

— Можешь положить себе.

— Тогда начнёшь смеяться.

— Уже начала.

Он всё-таки положил сахар. Один кусочек, потом второй. На третьем остановился, встретил мой взгляд и положил тоже.

Восемь месяцев Павел жил снаружи. За это время успели поговорить о лечении, записях и необходимых встречах. Сидеть друг напротив друга без открытого журнала всё ещё приходилось учиться. Не хотелось начинать с вопроса, хорошо ли он спал. У Серафимы наверняка было кому спросить это утром.

Павел провёл пальцем по краю блюдца.

— Тебе идёт этот цвет.

— Честно? — Расправила платок. — В лавке было другое освещение.

— И при этом тебе идёт.

Сказала, где купила. Уже собралась объяснять плотность переплетения, но он спросил, давно ли хотела именно синий.

Пришлось подумать. В той лавке сперва смотрела шерсть для рабочего заказа. Платок висел за спиной торговца, и несколько раз переводила на него глаза, пока не решилась попросить показать. Примеряла у мутного зеркала, затем велела завернуть, не убирая с плеч. До двери дошла и вернулась: забыла уплатить за заказанную шерсть.

Павел слушал с удовольствием. Когда засмеялся, привычная складка возле его левого глаза углубилась до самого виска. Раньше такой длинной складки не было. Смотреть на неё оказалось приятно. Захотелось коснуться его щеки. Он заметил мой взгляд, и пришлось сделать глоток, прежде чем опять поднять глаза.

— Сегодня Серафима велела полчаса просидеть, ничего не исправляя, — сообщил он.

— Выдержал?

— Сначала. Потом заметил, что у неё в приёмной разные часы.

На стене часы шли вперёд, на столе отставали. Павел дождался лекаря и предложил убрать одни. Серафима спросила, сколько времени он считает себя отдыхающим. Выяснилось, что большую часть назначенных минут он вычислял расхождение.

— Поставила кресло лицом к шкафу, — закончил Павел. — Там оказался кривой ящик.

— И что же?

— Ничего. Серафима предусмотрительно вынула ручку.

Засмеялась громче, чем собиралась. У стола возле окна обернулись. Павел старательно складывал бумагу от пастилы, но плечи у него тоже подрагивали.

Потом рассказала ему про новый рабочий стул. Его заказали с высокой спинкой и красивыми резными листьями. Листья упирались между лопаток, если садиться как следует. Чтобы работать без мучений, приходилось сидеть боком, и к вечеру затекала нога. Три дня собиралась потребовать замену, а на четвёртый застала в кресле Клавдию. Та положила на сиденье свёрнутое одеяло и назвала мне место, где за час отпилят мешающий выступ.

— Не дала? — спросил Павел.

— Мебель новая.

Он поднял на меня глаза.

— Теперь дала. Завтра привезут обратно.

— А листья?

— Упаковала. Можешь взять себе, если твой кривой ящик покажется одиноким.

Павел чуть вытянул под столом ноги, помассировал уставшие пальцы и опять взялся за бумажный пакет. Сложенный свёрток никак не хотел держать форму.

— Оставь, — предложила ему. — Заберу домой как есть.

— Помнётся, Дуня.

Это имя прозвучало негромко, пока он смотрел на свои руки. Ложка коснулась блюдца, хотя класть её не собиралась. В памяти сразу возник его молодой затылок над моей швейной коробкой и бесполезная просьба не путать короткие иглы с длинными.

Павел поднял голову. Должно быть, лицо у меня изменилось.

— Неприятно?

— Непривычно.

Он кивнул. Несколько мгновений смотрели друг на друга, и сама не знала, чего хочу: ещё раз услышать прежнее имя или пока обойтись без него. Павел сложил руки возле чашки. Ему тоже было неловко. Можно было взять его за пальцы, попросить повторить, отшутиться. Вместо этого придвинула к нему оставшуюся пастилу.

Ели её уже без разговора. Молчание оказалось терпимым, даже хорошим. За стеной переставляли стулья, на улице ругался возчик, требовавший убрать с проезда корзины. Павел повернулся на этот голос и улыбнулся чему-то своему.

— До набережной пройдём? — спросила его.

Он задумался прежде, чем ответить. Взгляд скользнул к двери, потом к трости, которую оставил возле плаща.

— До ближней лестницы. Дальше сегодня не стоит.

В прежние годы он предложил бы весь берег, потом ещё дорогу через мост. Теперь хорошо было уже то, что не придётся по его побелевшим губам самой угадывать, где пора остановиться.

Павел расплатился, забрал чашку с края, чтобы не смахнуть плащом, и подал мне платок. Позволила ему расправить складку у плеча. Его пальцы задержались там ненадолго, и к двери пошла уже с таким удовольствием, будто вся прогулка удалась заранее.

К ближней лестнице спустились по пологой улице. Павел выбирал сторону с целыми плитами. Сама прежде не замечала, как часто на этом спуске приходится перешагивать провалы: обычно ходила здесь с сумкой белья и смотрела, где меньше людей. Возле ограды он предложил руку. Под его ладонью чувствовался жёсткий край кольца.

Набережная была занята обычной вечерней жизнью. У воды чинили лодку, на каменном бортике сушились верёвки. Двое спорили над накладной, прижимая её шляпой от ветра.

Между ними сновала маленькая собака, которой никто ничего не поручал. Она сама выбрала себе дело: не позволяла свободному концу верёвки лежать спокойно.

Павел засмотрелся на неё. Остановились возле скамьи, и он сел, не дожидаясь предложения. Устроилась рядом, оставив между нами сумку. Тут же убрала её на колени. Он заметил, но только подвёл ко мне руку, чтобы было удобнее держаться за локоть.

Условились закончить прогулку к шести. Отсюда до стоянки экипажей оставался короткий переход, и можно было не следить за каждым шагом. Несколько лодок прошли мимо по течению. Павел спросил, сохранилась ли пекарня у дальнего моста. В ней теперь торговали рыбой; сообщила об этом с таким сожалением, будто пекарню закрыли вчера, хотя успела исчезнуть ещё до первой моей седины.

Рассказала, что там было потом. Вспомнила несколько сменившихся хозяев, но не смогла припомнить, когда сама последний раз доходила до дальнего моста без поручения. Павел слушал, иногда спрашивал.

Возле скамьи остановился хорошо одетый мужчина. Поклонился нам обоим. Держал в руках свёрнутые перчатки и шляпу; от него пахло выделанной кожей.

— Павел Ильич. Простите, не рассчитывал встретить вас здесь.

Павел узнал его. Поздоровался, назвал меня и пояснил, что это поверенный старшей ветви Грановых. Мужчина поклонился ещё раз и переложил перчатки в другую руку.

— Рад, что не пришлось тревожить вас через приёмную. Есть короткий вопрос о завтрашней встрече.

Павел чуть отстранился от спинки. Его локоть ушёл из-под моей ладони.

Поверенный говорил о будущем временном совете. На складах задерживалось зерно, соглашения одной стороны не принимала другая. Нескольких личных распоряжений Павла, по его словам, хватило бы для решения.

Отдельно упомянул, как обрадовались известию о его предварительном согласии. Теперь можно было послать окончательное приглашение.

— Согласия не давал, — сказал Павел.

— Вы признали необходимость временного управления. Именно это имели в виду.

— У нас есть царица.

— Разумеется. Речь о поддержке законного порядка, а не о новом венчании. Но для ряда домов ваше имя…

— Моё имя не открывает путь без согласования владельцев, — ответил Павел. — Прежде надо понять, где прерывается обслуживание.

Поверенный немедленно объяснил. Из кармана извлёк схему, подал так, что бумагу пришлось придержать от ветра. Павел развернул её на коленях. Мужчина наклонился, показывая нужную строку. Пришлось сдвинуться к краю скамьи. Сумку поставила на камень, подальше от чужого сапога.

Названия складов были знакомые. Если поставки сорвались, семьи возле дороги остались без зерна, а работники без платы за простой. Павел заметил на схеме нестыковку, попросил уточнить состояние малого перехода. Поверенный предложил вечером прислать своего мастера, чтобы подготовить решение к утру.

— Нужен ещё ответственный от нынешнего владельца, — сказал Павел.

Мужчина пообещал обеспечить присутствие и заговорил о полномочиях временного главы. Павел стал объяснять, какие решения тот мог бы принимать. Посмотрела на воду. Собака утащила верёвку под скамью лодочника. На схеме не был указан один из складов, который знала по старым поставкам; сама не заметила, как достала карандаш.

Карандаш так и остался в пальцах. Посмотрела на него, убрала обратно.

Можно было предложить стол, найти мастеру ночлег и к утру оказаться человеком, без которого совет опять не готов. Павел потом поблагодарил бы. Поверенный тоже.

На городской башне начали бить шесть. Дослушала до конца и поднялась. Павел придержал схему, освобождая край скамьи.

— Мы ведь до шести договаривались, — напомнила ему.

— Ещё несколько минут, здесь только…

Остановился, глядя на меня. Хотелось, чтобы сам всё понял без дальнейших слов. Усталость от этого желания была такой знакомой, что на миг опять потянуло сесть.

— Пришла побыть с тобой. На сегодня хватит.

Поверенный выпрямился и предложил подать экипаж. Поблагодарила, но стоянка была рядом. Павел потянулся за тростью, сперва снимая с колен схему. Не стала ждать, пока её сложит.

У следующей скамьи пришлось ждать: на стоянке разворачивалась гружёная повозка. Подозвала возницу, объяснила, куда ехать, и села. Платок зацепился за деревянную спинку. Дёрнула его, вытянула петлю и разозлилась ещё сильнее.

Павел подошёл, опираясь на трость и бережно ступая под уклон. Поверенного с ним не было. Под мышкой торчал сложенный лист.

Подвинула сумку. Он сел, отдышался и только потом заговорил.

— Сказал, что на завтрашнюю встречу не приду.

Посмотрела на бумагу.

— Это перечень задержанных грузов. Передам тем, кто ими занимается.

— Хорошо.

— Не очень похоже, что хорошо.

Петля на платке оказалась небольшой. Подцепила её ногтем и принялась убирать на изнанку. Павел ждал ответа. Хотелось сказать, что день испорчен, а затем заставить его с этим что-нибудь сделать. День целиком испорчен не был. Даже пастила ещё лежала в моей сумке.

— Злюсь, — призналась ему. — С тобой сидела, пока меня отодвигали вместе с сумкой. Потом сама достала карандаш.

Он опустил глаза на мои руки.

— Дал ему удобный повод. Знаю, что говорят, когда обсуждают со мной временное управление. Всё равно начал объяснять.

— Тебе есть что объяснить.

— И приятно, когда слушают.

Произнёс без улыбки. Из-за повозки выглянул возница, показал, что сейчас подъедет.

Павел спросил, не зайду ли к нему. Дома был хороший кофе, который он собирался сварить после прогулки. Почти ответила, что поздно. Было не поздно; даже свет ещё не начал уходить с верхних окон. Просто хотелось, чтобы он успел пожалеть сильнее.

— Поверенного не будет?

— До утра никаких посетителей. Уже сказал у ворот, когда выходил.

Возница остановил экипаж напротив. Назвала другой адрес, помогла Павлу поднять с земли трость и пошла следом. Сесть рядом с ним захотелось самой. На этот раз сумку оставила у ног.

Временный дом Павла выходил окнами на небольшую городскую площадь. Внутри всё ещё пахло чужой мебелью. У дверей стоял стражник, отдавший честь Павлу и почтительно посторонившийся передо мной. Ни подноса, ни свёртка с бельём в руках у меня не было; всё равно сперва потянуло свернуть к хозяйственному входу.

Павел повесил мой платок в передней и пропустил в комнату.

На столе возле окна лежали раскрытая книга, пустая тарелка и печатный лист. У стены стоял мой рабочий сундук: позавчера принесла покрывало для согласованного осмотра и оставила до встречи с мастерами. Ключ был у меня.

Из соседней комнаты донеслись плеск воды и стук крышки. Обычно успевала разобрать его стол прежде, чем он вернётся. Теперь сняла перчатки и устроилась в кресле.

Он принёс поднос. Освобождая место, сдвинул книгу, поднял печатный лист и замер, прочитав верхние строки.

— Это откуда?

Вызвал помощника. Лист принесли во второй половине дня вместе с приглашением от группы поверенных. Посыльный назвал его копией для сведения. Бумагу положили рядом с обычной почтой.

Павел отпустил помощника и подал лист мне.

Наверху крупными буквами напечатали обращение к войскам и жителям столицы. Внизу стояло: «Павел Ордынцев». Между ними помещались обещание прекратить вражду и несколько фраз о временном верховном управлении до восстановления порядка. Получалось, что Павел уже согласился принять его на себя.

Перечитала последнюю строку. Павел поставил поднос на освобождённый угол стола.

— Не подписывал, — сказал он.

— Никому не давал такое печатать?

— Нет.

Держала лист подальше от чашек. Во время прогулки Павел не соглашался. Что он обсуждал раньше, знала лишь с его слов. В печатном обращении никаких сомнений не было.

Павел забрал лист и провёл большим пальцем по криво обрезанному краю. Его кольцо задело бумагу. Рука стала похожа на ту, которую помнила у старого письменного стола: так же придерживал не понравившуюся запись, прежде чем смять. Только кожа теперь была другой, и суставы выступали сильнее.

— В огонь не клади, — попросила его.

Он посмотрел на меня.

— Сохранить надо. И Елене передать.

— Отправить ей это?

В голосе прозвучала обида. Он ещё раз прочёл первые строки и отвернулся к окну. Оставила ему немного времени. Внизу служитель со стуком закрывал ставни лавки.

Павел написал для Елены короткое уведомление: обращения не составлял, печатать не поручал, экземпляр получил сегодня и сохранит до проверки. Показал мне и передал охране для отправки.

Он задержался у стола. Выжидать удобную минуту уже надоело.

— Кофе нальёшь?

Он оглянулся, словно вспомнил, зачем ходил за подносом. Подвинул ко мне чашку, предложил сливки. Кофе вышел крепкий. Павел попробовал свой, поморщился и без всякого торжества положил сахар. Пришлось признать, что теперь хотелось половину кусочка. Подал щипцами, не сказав ни слова.

Для следующей встречи сперва нашёлся промежуток между двумя чужими приёмами. Представила, как будем торопливо допивать, пока за дверью ждут нужные люди, и попросила поискать другой.

Уговорились встретиться через четыре дня, к пяти. Павел перечеркнул в своей книжке предварительную помету. Спросила, какую. Оказалось, неподтверждённую сверку — предложит перенести на утро. Записала встречу и у себя, убрала карандаш.

Когда положила книжку в сумку, в пальцах вдруг отозвалось знакомое натяжение. Так напоминал о себе личный подхват, оставленный на рабочей ткани.

Поставила чашку, подошла к сундуку и отперла крышку. Павел остался у стола, не заслоняя окна. Покрывало лежало на своей подкладке. Край, сложенный поверх старого служебного сгиба, чуть приподнялся и опустился.

Отвела верхнюю ткань. Наружное крепление держалось, а старая нить опять натянулась со стороны дворцового участка. Месяцами она была спокойна. Ещё вчера при осмотре такого отклика не было.

Павел присел возле сундука. Кольцо на его руке оставалось обыкновенным тёмным камнем в старой оправе. Он смотрел на сгиб, не касаясь его.

— Что-то тянут?

— Пока будто проверяют, отвечает ли сторона. Глубже не открывала.

Мерная полоска дрогнула: нагрузка оставалась малой, крепление держалось. В незнакомое продолжение силы не подавала.

Записала час и три натяжения с промежутками, оставила Павлу копию. Старый шов он знал. Кто и зачем коснулся его теперь, мы не понимали.

Рабочая тетрадь лежала в сумке. Не достала.

Уложила край обратно, убедилась, что наружная опора приняла его без моего участия, и закрыла сундук. Ключ повернулся легко. Павел поднялся, придерживаясь за подлокотник кресла. Подалась было помочь, но он уже выпрямился и взял со стола мою чашку.

— Подогреть? — спросил он.

Проверила ладонью фарфор. Ещё тёплый. На дне оставалось несколько хороших глотков.

Покачала головой, устроилась в кресле и вытянула уставшие ноги. Павел сел рядом, спросил, не жмёт ли новая туфля. Пришлось признаться, что жмёт левая. Он подвинул подставку ближе и сам налил себе остаток кофе. До дома ещё предстояло добраться; пока можно было посидеть. Взяла чашку обеими руками и стала пить, не поднимаясь за оставленной на другом конце стола пастилой.

Глава 2. Имя на чужом знамени

Павел

Павел положил печатное обращение рядом с черновиком своей старой записки и придвинул лампу. Во второй строке были его слова. Он помнил, как подбирал их, пока за столом спорили о закрытых дорогах. На полях записки сохранилось зачёркнутое «немедленно»: восстановить защиту немедленно было нельзя. В обращении это слово вернули, а несколькими строками ниже поручили ему верховное управление.

Карандаш лёг на край бумаги. Прежде всего хотелось исправить неверно указанное место перехода. Павел убрал руку, достал чистый лист и переписал на него выходную отметку печатника. Вчерашнее уведомление Елене уже доставили. Посылать следом ещё одно возмущение, не выяснив, откуда взялась бумага, не стоило.

Помощник принёс завтрак и сообщил, что нашёл посыльного. Тот разносил листы от печатной мастерской, был известен привратнику и согласился прийти после утренней доставки. Павел попросил проводить его в комнату, затем всё-таки съел кашу. Вчера после прогулки болели ноги, сегодня плохо сгибался большой палец. Серафима велела делать перерыв прежде, чем рука перестанет держать ложку. Пока Павел предпочитал останавливаться после этого, чтобы не терять напрасно полезного времени.

Посыльный вошёл с корзиной под мышкой, поставил её у ног и сразу узнал лежавшее на столе обращение.

— В ваш дом велели принести пакет. Лист шёл вместе с приглашением.

— Кто велел?

— Хозяин мастерской. В списке стоял этот адрес.

Он показал доставочную ведомость. Павел нашёл подпись своего помощника. Другие адреса были зачёркнуты после выдачи. Там собирались люди, приходившие к нему советоваться о прекращении столкновений.

— О содержании тебе что-нибудь говорили?

— Что ваше. Что прежде отправки по домам надо вам оставить.

Посыльный замялся, потом спросил, следует ли забрать оставшиеся экземпляры. Павел посмотрел на корзину. Из-под верхнего свёртка выглядывал знакомый крупный набор.

— Оставь до выяснения в мастерской. Кто за доставку заплатил?

— Нам платят за день.

Отвечал уже настороженно. Павел вернул ведомость и велел помощнику записать, где можно его найти. Корзину у человека не отняли. На том его заметное беспокойство закончилось: он попросил дать короткую отметку о задержке, иначе в мастерской не поверят, что столько времени провёл у царского родственника.

Павел написал. У собственной фамилии невольно задержал перо. С посыльным передал хозяину мастерской просьбу принести записи о заказе.

К полудню пришёл печатник с книгой заказов, контрольным оттиском и распиской в получении денег. Павел предложил сесть и дал ему самому найти нужную страницу. Помощник остался записывать.

Заказ оплатило собрание, чей поверенный вчера подошёл к ним на набережной. Расписку подписал его уполномоченный. В подшивке нашлась наборная копия с теми же последними строками, что и в обращении.

— У вас была записка с моим разрешением?

Мастер покачал головой.

— Приложили вот это.

Под наборной копией лежали замечания Павла о восстановлении проходов. Те, что он действительно передал собранию две недели назад. Внизу сохранили его рабочую подпись и указание на предварительный характер расчёта.

— Разрешалось разослать замечания мастерам, — сказал Павел. — Здесь другой текст.

— Заказчик заверил, что вступление согласовано. И что решение о совете тоже. Подпись на исходном листе настоящая?

— Настоящая.

Печатник посмотрел на него с облегчением, от которого стало неприятно.

— Но к этому обращению она не относится, — добавил Павел.

Мастер принял заказ, опираясь на заверение прежнего клиента. Кто составлял дополнения, не видел. Павел попросил сохранить наборную копию и пока прекратить выдачу тиража. Потребовалась письменная просьба: заказ оплачен, за задержку придётся отвечать.

Печатная отметка совпадала. Дополнение внесли в наборную копию и пустили в тираж; имя передавшего текст было записано ещё до сегодняшнего разговора. Павел положил рядом своё исходное замечание и оба оттиска.

Павел проводил мастера до дверей. Уже в передней тот спросил:

— Так вы совсем не намерены возглавить совет?

Вопрос прозвучал без насмешки. Человек хотел понимать, чьё недовольство ему предстоит выдержать.

Павел ответил, что разрешения использовать своё имя не давал. Услышал собственную точную фразу и понял, что опять оставил спрашивающему всё остальное. Мастер мог уйти с убеждением, будто дело только в порядке объявления.

— Престол принимать не буду, — сказал он. — Управление вместо Елены тоже.

После ухода печатника Павел вернулся к столу. В памяти возникло недавнее собрание: люди перестали перебивать друг друга, когда один из старших обратился к нему «будущий государь». Он тогда не поправил. Хотел закончить объяснение, пока слушают. Позже ещё дважды пропустил такое обращение — оба раза находилось срочное дело, ради которого неудобно было начинать спор о словах.

Павел собрал копии, отметил невыясненное и попросил приёма у Елены. Ещё два приглашения отложил до её ответа. Только тогда заметил, что давно прижимает больной палец к столешнице.

На следующее утро его приняли в городской резиденции. Охрана сверила имя, пропустила сопровождающего и указала лестницу. Павел поднялся без спешки. Последние ступени хотелось пройти быстрее: за спиной ждали. Он заставил себя остановиться на площадке и дать ногам короткий отдых.

Елена встретила его стоя. На столе лежали полученное вчера уведомление и два других пакета. Она предложила кресло возле окна, велела оставить воду и отпустила служителя. Дверь закрылась без поворота ключа. Павел всё равно посмотрел на ручку, прежде чем сесть.

Пока царица читала выписки, он разглядывал пятно чернил у неё на манжете. Брат в молодости так же пачкал правый рукав, когда подолгу работал с письмами. Сама Елена родилась уже после исчезновения Павла; сравнивать её оказалось не с кем, кроме человека, которого она знала совсем другим.

Она отложила последнюю страницу.

— Заказ подтвердили?

Павел рассказал о заказе и добавленных строках, показал, в чём пока приходилось доверять показаниям печатника. Елена попросила передать сведения людям, ведшим дело о распространении обращений, и подвинула к нему свои пакеты.

В одном находился рапорт командира дорожной охраны. За городом задержали обоз: стоявший на пути отряд требовал подчиниться будущему правительству Павла Ордынцева. Во

втором были донесение с другой дороги и перерисованный знак на знамени. Люди, державшие его, называли Павла законным главой, вынужденно скрываемым от подданных.

— Эти друг с другом связаны? — спросил он.

— Пока не установлено. Прислано с разных постов. Оба отряда собирают людей.

Павел перечитал строку о вынужденном сокрытии. Позавчера его нашли на набережной, где он сидел с женщиной и ел купленную пастилу. Узнать о нынешней жизни знаменосцы могли бы, если бы это входило в их намерения.

— Понадобится публичный отказ, — сказал он.

— Да. И меры до того, как отказ начнут доставлять.

Елена развернула план охраняемого дома при резиденции. Отдельные комнаты, собственный стол, короткий крытый проход до места совещаний. Посетителей принимала бы служба царицы. Выходить предлагалось с согласованным сопровождением; въезд и выезд отмечал начальник охраны.

Павел долго смотрел на небольшой прямоугольник внутреннего двора. Там были скамья, дерево и единственные ворота. На старой схеме его заключения тоже обозначали место для прогулки. Он поставил стакан, не отпив.

— Удобно держать в одном месте человека и всех, кто приходит его похищать, — произнёс наконец.

Елена не улыбнулась.

— Люди под вашим именем могут решить, что им нужен и сам владелец.

— А если захочу выйти без начальника охраны?

— Он должен будет знать, куда вы направляетесь.

— Знать или разрешать?

Она взяла план за край, повернула к себе. Некоторое время молчала. Павел ждал, чувствуя, как с каждым мгновением удобнее становится сердиться только на неё. Он провёл тростью по ворсу ковра и остановил её у ножки кресла.

— Место для прогулки уже было, — сказал тише. — Второго не надо.

Елена свернула план, но не убрала со стола донесения.

— Тогда предложите, что сможете принять. Оставить всё как есть тоже не могу.

Он предложил сохранить нынешний дом. Охрану усилить, причём старшего выбрать ему самому из людей, которых проверят обе стороны. Входящих сверять, о сомнительных приглашениях сообщать. При обычном выезде сопровождение не получает права запирать его до решения двора.

Елена потребовала уточнить, какие поездки не нуждаются в согласовании: отвечать за стражников предстояло ей. Оставили лечение, прогулки и назначенную работу. О выезде за город следовало предупреждать. При вооружённой угрозе охрана могла вывести его в безопасное место, но не поселить там бессрочно.

— И сведения о работе с дворцовой защитой, — добавил Павел. — Все решения, которые вы принимаете в этой части, сначала должны проходить через меня.

Пока Елена смотрела на него, он успел мысленно составить порядок. Короткие выписки, отметка о проверке, перечень исключений на случай срочной опасности. Это было выполнимо. Оттого и казалось разумным.

— Нет, — ответила она.

— В прежних соединениях остались особенности, которых ваши люди могут не знать.

— Для них нужен ваш разбор. Для каждого моего решения ваш допуск не нужен.

Павел подался вперёд. Она дала ему договорить о расходе, закрытых участках и несовпадении старых схем. Затем спросила, может ли он гарантировать, что не ошибётся сам. Ответить хотелось с оговорками; Елена их выслушала.

— Порученные вам расчёты будут проверять другие мастера, — сказала она. — Принимать условия их проверки тоже придётся. Согласны?

За дверью звякнула посуда. Павел почти попросил ещё воды, хотя стакан стоял полный. Его требование уже не помещалось в роль приглашённого специалиста.

Согласился на отдельные оплачиваемые задания. Об опасных откликах обещал сообщать Елене; вмешательство требовало нового согласования. За ним осталось право отказаться до начала работы и хранить копии вне царской службы.

Елена отменила готовившийся переезд и подписала распоряжение об охране нынешнего дома. Павел оставил проверенный пакет, получил экземпляр условий для себя.

Возле двери Елена спросила, удобно ли завтра провести публичное объявление в независимой приёмной. Он согласился. На этот раз заодно назвал, от каких собственных поручений собирается отказаться: с одними чужими подделками дело было бы легче.

В независимой приёмной пахло мокрыми плащами. Павел приехал раньше приглашённых. При хранителе сопоставил нынешний ответ с личным образцом и подписался; старое обращение приобщили к делу отдельно.

Он перечитал подготовленный текст. В предпоследнем абзаце оставалось «в нынешних обстоятельствах». Павел сам вписал эти слова вечером. Теперь взял перо и вычеркнул их. Хранитель подал чистый лист, чтобы окончательный экземпляр не начинался с истолкования поправок.

Зал заняли представители домов, городские служащие, независимые свидетели и печатники из двух мастерских. Поверенный Грановых сел у прохода, рядом с человеком, подписавшим заказ. Перед ними Павел положил копию расписки.

Хранитель объявил предмет встречи. Царское родство установили прежде; теперь предстояло услышать намерение человека с уже признанным именем.

Павел начал с обращения. Указал, какие строки происходят из его расчёта, и назвал добавленное решение о верховной власти. Говорил медленно, давая записывать. После первых слов представитель заказчика поднялся.

— Нам передавали ваше согласие участвовать в устройстве общего управления.

— Обсуждать восстановление проходов согласился. Принимать власть — нет.

— Значит, речь о неточности формулировки?

На столе лежал исходный лист с настоящей подписью Павла. Было легко попросить заменить несколько слов, получить извинение и снова понадобиться всем присутствующим. Он посмотрел на чистый экземпляр, подготовленный хранителем.

— Я не приму престол и не стану осуществлять верховное управление вместо царицы Елены, — произнёс он. — Поручений собирать войска от моего имени не давал. Такое использование имени запрещаю.

Следом отозвал поручения о будущем совете. Одно письмо написал сам: просил выяснить, кто готов передать ему руководство восстановлением защиты. Сначала намеревался получить согласие, потом уточнить полномочия. Теперь назвал дату и отменил поручение вслух. Хранитель записал этот отказ отдельно от дела о подделке.

— А если без этого общего руководства дороги не откроются? — спросили из второго ряда.

Павел узнал голос мастера, который приносил ему расчёты. Тот ждал полезного решения, и отвечать ему было труднее, чем заказчику листа.

— Возьмусь за определённый участок, если договоримся о работе. Исправлять все остальные моим именем не надо.

Он мог бы начать объяснение с отсутствующего крепления. Мастер наверняка задал бы следующий вопрос, и через полчаса отказ пришлось бы прерывать ради настоящего дела. Павел оставил расчёты на потом и попросил дочитать запись.

Хранитель огласил её полностью. Павел выслушал, подписал, дождался подписей свидетелей. У правого большого пальца появилась мелкая дрожь. На последней букве пришлось замедлиться, чтобы закончить фамилию, а не оставить вместо неё удобный росчерк.

Хранители приняли подлинник: получить его обратно и заменить страницу без свидетелей Павел уже не мог. Копии готовили Елене, известным домам, городским постам и командирам с подтверждёнными адресами. Для дальних отправлений запечатывали пакеты. Павел выслушал сроки доставки, не пытаясь сократить расстояния пожеланием.

Пока писцы работали, поверенный Грановых отвёл его к окну. Сразу спросил, окончательно ли решение. Павел подтвердил.

— Тогда предложение о содержании придётся снять, — сказал поверенный. — Оно предназначалось человеку, вокруг которого можно собирать общий союз.

Речь шла о расходах на дом, помощников и поездки. Предложение лежало у Павла с прошлого месяца; он ещё не принял его, но уже рассчитывал, что эти расходы не придётся покрывать из оплаты отдельных работ.

— Понимаю, — ответил он.

— Не только деньги. Мастер, которого собирались прислать для общего расчёта, остаётся при нашем дворе. Материалы тоже нужны своим людям.

Павел посмотрел на приготовленный к доставке пакет. Хотелось попросить сохранить обещанное ради одной важной пробы. Он уже знал, что услышит в ответ.

Он попросил вернуть свой чертёж, если над ним больше не будут работать. За копирование предложил уплатить по счёту.

Поверенный придвинул край занавески, закрываясь от холода мокрого подоконника.

— Вы ведь не остановите тех, кто уже поднял знамя. Им оно полезнее вашего личного мнения.

— Придётся говорить прямо, что действуют без моего согласия.

— Скажут, что вас принудили.

У стола сверяли название далёкой станции с прибывшим посыльным. Эти люди могли подтвердить только то, при чём присутствовали.

— Тогда спросят у тех, кто здесь сидел, — сказал он.

Поверенный поклонился и отошёл. У дверей рядом с ним остановился мастер, обещавший приехать к Павлу вечером. Они поговорили, и мастер ушёл, не простившись. Возможно, ещё вернётся с письмом; рассчитывать на его нынешнее обещание уже не стоило.

Павел забрал свой экземпляр. Прежнее обращение оставалось в деле с указанием заказчика и изготовителя. Теперь рядом с чужой бумагой существовал его собственный ответ. Разбор продолжат без него.

На выходе сопровождающий раскрыл над ним зонт. Павел остановился под навесом, пока подавали экипаж, и попросил отменить вечерний приём мастера: выяснилось, что приезжать тот уже не собирается. Освободившийся час было чем занять. Сначала требовалось поесть и дать руке отдохнуть.

К пяти следующего дня Павел переоделся и освободил стол. Бумаги о поддельном обращении убрал в ящик; рядом грели кофе. На закрытой тетради остался лист с тремя поручениями для Авдотьи. Сверху он собственноручно поставил час её прихода.

Она явилась вовремя. Сняла платок, повесила на тот же крючок в передней и вошла, держа в руке небольшой свёрток. Павел принял его, услышал, что это пирог, и заговорил о завтрашней мастерской. Авдотья остановилась возле стола.

— И это к пяти приготовил?

Он потянулся объяснить, почему эти дела не терпят. Но терпели же они всё утро. Убрал поручения в тетрадь и предложил ей сесть.

— Как день прошёл?

Она не сразу ответила. Развернула пирог, спросила, где взять тарелку, затем словно вспомнила что-то смешное.

— Сегодня поработала без одеяла под спиной. Хорошо стул переделали.

— Листья сохранила?

— Сохранила. Плотник велел забрать домой, чтобы потом не приносила их ему обратно. Сказал, сам придёт поглядеть, куда пристрою.

Павел нашёл тарелку и нож. Авдотья рассказала, как они с Клавдией, когда стул вернули, по очереди посидели на нём и объявили работу хорошей. Резные обрезки до вечера лежали на подоконнике. Плотник говорил, что из одного могла выйти приличная ручка.

Павел хотел предложить способ её укрепить, но Авдотья уже рассказывала другое. Возвращаясь с обеда, остановилась послушать уличного певца. Тот менял слова знакомой песни, и она сперва решила, что старый человек забывает. Оказалось, подстраивал под нынешнюю торговлю: влюблённая героиня требовала довезти муку без двойной платы на дороге.

Авдотья попробовала напеть начало, сбилась и стала вспоминать, как было раньше. Павел слушал. Мелодию он не знал. В её негромком голосе несколько нот выходили хрипловатыми, зато припев прозвучал уверенно. Она засмеялась над последней строкой и спросила, слышал ли он такое.

Он покачал головой, попросил повторить. Авдотья повторила и тут же поправила себя: забыла самое смешное слово. Пока искала его, успела попробовать пирог. Павел подлил ей кофе. Она положила ладонь на стол, и он взял её за руку. Авдотья чуть сжала его пальцы, продолжая вспоминать слова. На этот раз не понадобилось ни журнала, ни собственной истории, чтобы разговор продолжался.

К тетради вернулись, когда она сама спросила про запись, оставленную четыре дня назад.

— Есть с чем сравнить? Или только перечень забот прибавился?

— Кажется, есть. Посмотрим вместе?

Она согласилась. Павел принёс журнал из заключения — за восемь месяцев разбирал его столько раз, что нужную страницу нашёл быстро. Прежде считал эту запись очередной безрезультатной проверкой.

На полях была нарисована узкая полоса с боковым подхватом. Рядом стояла последовательность коротких натяжений и ответного ослабления. Авдотья подвинула лампу, долго смотрела на рисунок, потом повернула журнал так, чтобы он видел её палец.

— Здесь с изнанки снимают. Не с той стороны, где держим сейчас.

— Записывал по отдаче. Самого крепления не видел.

Отметка относилась к дворцовой служебной ветви. За годы заключения по ней несколько раз приходил похожий вызов, после которого проверяли сохранность соединения. Ни имени проверявшего, ни приказа в журнале не было.

Авдотья попросила прочесть соседние строки, сравнила промежутки и открыла сундук. Павел смотрел на наружный сгиб покрывала, держа журнал у её плеча.

Авдотья перевела край на обычную подкладку. Глубокую связь не открывала. Он увидел, куда ложится боковой подхват, и исправил на отдельном листе направление своего рисунка.

След вёл к дворцовым службам. Кто добрался до этой ветви теперь, оставалось неизвестно. Нагрузка пока была безопасной; для новой пробы требовались материал и мастера, готовые принять часть работы.

— Завтра в мастерской посмотрим основу, — сказала она. — Только покрывало туда сразу не тащи. Сначала на малом попробуем.

Павел записал страницу журнала и составил сообщение Елене. Авдотья убрала из первой фразы лишнюю уверенность: связь со старой записью нашли, автора запроса — ещё нет. Он исправил и отправил послание обычной почтой. Журнал остался закрытым на столе.

Для остальных сведений понадобились ещё два имени. Павел спросил их у Авдотьи, записал и решил сам послать запросы.

В передней ждал помощник: нужно было заказать на утро экипаж с сопровождением. Павел назвал время и мастерскую. Авдотья собирала со стола посуду, когда он спросил, хотелось ли бы ей выбраться за город в ближайший свободный день.

— Хотелось бы, — ответила она. — Куда?

Он не успел придумать. Сказал честно. Авдотья задумалась и попросила не выбирать место, куда придётся полдня добираться.

Павел попросил помощника узнать, на какой день можно оставить за ними утренний экипаж для короткой загородной поездки. Помощник стал записывать рядом с завтрашним заказом. Пришлось объяснить, что это две разные поездки: вторая пока без назначенной работы и без приглашённых мастеров.

Авдотья поставила чашки на поднос. Подошла посмотреть запись, уточнила, можно ли будет вернуться пораньше, если устанут. Павел передал её вопрос помощнику и велел принести ответ им обоим. Потом взял у неё поднос. Пирога осталось достаточно, чтобы сесть ещё ненадолго, пока во дворе готовили экипаж до её дома.

Глава 3. Крепления под скатертью

Авдотья

Скатерть пришлось снять со стола и сложить на прилавке. Под ней обнаружились старые порезы, несколько пятен клея и круглый след от чашки. Хозяйка мастерской поспешила объяснить, что стол крепкий, просто покупателям приятнее смотреть на чистую ткань. Проверила поперечину под столешницей, нажала на угол и попросила принести четыре железные скобы.

Павел сидел у дальнего края на высоком стуле. Ноги до перекладины не доставали, тетрадь сползала с колен. Пока Клавдия разворачивала пробное полотно, успела подложить ему под локоть свёрнутую ткань, переставить чернильницу и взяться за подставку для ног.

— Авдотья Петровна, — сказал он, придерживая тетрадь. — Можно другой стул?

Подставка осталась у меня в руках.

— Этот для раскроя. Здесь всем так удобнее.

Он посмотрел вниз, на свои туфли.

Хозяйка принесла обычный стул из конторки. Павел пересел, вернул чернильницу на прежнее место и положил тетрадь на стол. Подставку пришлось убрать под прилавок. Клавдия ничего не сказала, только провела ладонью по освободившемуся полотну. У неё в углу рта пряталась улыбка.

Старое покрывало осталось в запертом сундуке у Павла. Здесь испытывали основу для наружной части его шва: плотный лён, выбранный по малым образцам. Большой отрез предстояло закрепить так, чтобы держатель можно было сменить без разборки всей работы.

Клавдия принесла скобы. По одной посадили на углы стола, под выступ столешницы. Железо опиралось на дерево через кожаную прокладку; свободная петля оставалась для ткани. Павел отметил расположение и попросил пустую прокладку.

Он считал, что мягкая кожа под сильным натяжением поползёт и исказит запись. Предлагал взять жёсткую основу, чтобы положение края сохранялось. Подвинула ему обрезок гладкой дощечки.

— Покажи, где она должна уступить, если тянуть с двух сторон.

— Для начала нужно, чтобы вообще держала.

Клавдия положила между нами обе прокладки. Спорить о них можно было ещё долго. Зажала один конец полотна через кожу, другой через дерево и дала равное натяжение. Жёсткий край остался на месте, зато соседняя нить разошлась, оставив светлый просвет.

Павел наклонился посмотреть.

— При записи с той стороны будет казаться, что крепление цело, — заметил он.

— Потому и прошу на ткань смотреть.

Павел снял дощечку и предложил поставить короткий упор для кожаной прокладки. Переделали зажим. Теперь край сдвинулся немного и встал, сохранив нити. Клавдия зарисовала упор, Павел записал сдвиг. Расхождение осталось, зато мы все его видели.

Полотно закрепили в четырёх точках. Встала у длинной стороны, ввела в подшитый край свой подхват и постепенно подняла натяжение. Ткань сперва разгладилась, затем приподнялась над столом низким скатом. Возле ближайших скоб отклик шёл легко; у дальнего угла приходилось удерживать его внимательнее.

Клавдия надавила на край мерной палкой. Внутри четырёх креплений палку повело вдоль сгиба. За углом та прошла свободно и стукнула о ножку стола. Передвинулась, повторила. Попытка растянуть поле дальше потребовала бы ещё одной настоящей опоры, которой здесь не было.

Показала Клавдии место, где кончалось удержание. Дальше оставалась обыкновенная ткань; её можно было отогнуть рукой. Между столом и прилавком проход был свободен. Слева

от входа стояли тяжёлые рулоны, и обходить их приходилось по одному. В глубине мастерской открывалась дверь в хозяйственный двор.

Павел отметил в рисунке хозяйственную дверь и проход за прилавком.

— Отсюда можно забрать руку, не потянув всю основу, — сказал он, указывая на мой подхват. — Покажи ещё раз, как отпускаешь.

Повторила медленнее. Клавдия подхватила освобождённый край обычным держателем, не принимая моего поля. На такую замену её умения хватало. Когда натяжение спало, она вынула одну скобу и поставила обратно. Тяжёлый стол не сдвинулся.

Из передней принесли накладную. Хозяйка показывала покупательнице ткань, помощник катил к двери рулон, стражник Павла посторонился у косяка. Второй сопровождающий ждал возле экипажа. До раскрытой входной двери от нашего стола было несколько шагов; снаружи, возле мерочного зеркала, сушились только что привезённые накидки. Для вещей посетителей внутри прибили ряд крючков.

Попросила вернуть скатерть. Скобы скрылись под её краем; кожаные петли остались доступны снизу. На таком столе можно было и дальше работать, не цепляя зажимами чужой рукав. Павел убрал тетрадь. Перед отъездом постоял возле окна, давая пальцам отдохнуть. Захотелось напомнить про подставку для ног. Вместо этого спросила, нужен ли экипаж к самому крыльцу. Он сказал, что дойдёт.

Назавтра работали вдвоём с Клавдией. Павел прислал измерения, сам остался на лечении. Дальний сгиб мягкого отреза пришлось укоротить и подшить лишней полосой. К вечеру четыре крепления уже работали, пятое место нельзя было отпускать под нагрузкой. Клавдия пришила к нему метку, собрала платные обрезки в корзину.

На следующее утро Павел приехал, когда Клавдия уже проверила зажимы. Положил тетрадь на свой обычный стул, потрогал подушку и спросил, не согласилась ли хозяйка продать ему эту мебель. Хозяйка назвала цену. Павел задумался, а она засмеялась: столько стоил новый стол вместе со стулом. Удалось посмеяться со всеми, не придвигая ему ни подставки, ни чернильницы.

Клавдия отметила последний разрез, Павел сверял рисунок с первым обмером. У входа спорили о рулонах. Сопровождающий заглянул к нам и вернулся в переднюю.

Посетитель появился с узкой кожаной сумкой для бумаг. Стражник остановил его возле прилавка, принял принесённый лист, выслушал, от кого он. Павел поднял голову на знакомое имя. Это был один из тех попечителей мастерских, кто помогал ему после освобождения и пока не отзывал прежнего расположения.

Павел показал мне приглашение: подлинная подпись, знакомая бумага. Его звали обсудить старые расходные записи, нужные для нашей работы. Часа не поставили.

— Экипаж готов, — сообщил посетитель. — Если удобно, можно ехать сейчас. До полудня хозяин свободен.

Павел положил бумагу на стол.

— Встречу не назначали.

— Получили известие, что вы будете здесь. Решили избавить от лишнего ожидания.

Мужчина стоял в светлом кафтане, без верхней накидки. Оставил её снаружи, как оставляют мокрую вещь, которую неловко занести к товару. Только на улице сегодня было сухо. Через раскрытую дверь виднелся край тёмной ткани у мерочного зеркала. Её петля сидела на наружном креплении рамы. Внутренние крючки для посетителей оставались свободны.

Заглянула под скатерть, поправляя край. Четыре скобы держались. Клавдия проследила за моим взглядом, но ничего не спросила.

— Павел Ильич, пока останьтесь у стола, — попросила его. — Приглашение надо через охрану проверить.

Стражник вышел на крыльцо и подозвал возчика. Посетитель посторонился, предлагая посмотреть через окно на экипаж. Возле него ждал возчик. Вчера с такими же повозками привозили ткань; теперь на козлах лежал сложенный плащ, а дверца была открыта.

— Тут недалеко, — сказал мужчина. — Вас проводят.

Павел отодвинул тетрадь от края.

— Сейчас не поеду. Передайте, что сначала согласуем время.

Мужчина ещё улыбался, когда его правая рука пошла вперёд. Прямые пальцы ударили туда, где мгновение назад было Павлово горло. Полотно вскинулось между ними, подхваченное моим движением. Удар ушёл вдоль натянутого сгиба, грохнул по столешнице. Павел отшатнулся вместе со стулом.

У входа ударила дверь. Стражник успел поставить в проём ногу, но створку повело обратно с такой силой, что его прижало к косяку. Над прилавком мелькнуло отражение улицы: вместо знакомой передней на миг показался ещё один проход. Снаружи дёрнулась тёмная накидка.

Клавдия подхватила падающий стул. Павел поднялся, опираясь ладонью о край. До прилавка оставалось два шага, и их он должен был сделать сам. Дёрнула ткань к себе, уводя нападавшего вдоль длинной стороны. Чужая рука скользнула по ней до ближайшей скобы; железо звякнуло, но осталось на месте.

Мужчина вывернул локоть и повернулся ко мне. Лицо изменилось мало. Он смотрел на мои пальцы, выбирая момент, когда можно будет сорвать подхват. Его сила шла короткими толчками. При каждом край бил по рукам, а кожаные прокладки сдвигались до упоров.

Павел прошёл за прилавок. Клавдия метнулась в глубину, освободила путь к хозяйственной двери. Хозяйка уронила мерную палку и вцепилась в лежавший на стойке рулон. Она стояла возле Павла и мешала ему обогнуть угол. Пришлось крикнуть, чтобы оба отошли к стене.

Нападавший попытался обойти стол с другого конца. Перехватила край, подняла его выше. Ткань приняла следующий удар уже у груди, потянула меня за собой. Стол сдвинулся на ширину пальца. У самой дальней скобы лён просветлел, но подшитая полоса выдержала.

Не хватило бы времени развернуть здесь новое поле. На существующем можно было отвести его руку, если не дать зайти за угол. Снаружи стражник ударил по двери. Посыпалось стекло, и в образовавшемся просвете увидела чужое плечо. Возчик протиснулся внутрь, оттеснив стражника к самой створке.

Руки у него были пустые. Уже возле стола он схватил железную линейку. Ударил по моей ближайшей скобе, промахнулся и попал в дерево. Первый мужчина снова подался на ткань. Пришлось развести руки и принять отдачу всем плечом.

Клавдия открыла дверь во двор. Донёсся её крик, топот по доскам. Хозяйка наконец перебралась за Павла и присела. Возчик пригнулся, заглянул под скатерть и повёл линейку снизу. Он нашёл выступ зажима. Не успела перехватить: ближний край хлопнул, освободив угол.

Полотно провисло. Сила первого нападавшего перестала уходить к дальней опоре, пошла прямо на меня. Удалось отвести грудь от удара, но правую руку потянуло вслед за сорванным краем. Сорванная скоба ударила по кисти. Пальцы разжались прежде, чем почувствовала боль.

Уцелевший подхват едва не выскользнул из левой руки. Прижала его к столешнице, намотала свободную часть на ладонь и сместилась к здоровой стороне. Правой попробовала придержать ткань — в запястье вспыхнуло, отозвалось до локтя. Пришлось убрать её под грудь. На рукаве расползалось мокрое пятно.

Возчик занёс линейку снова. Клавдия толкнула в проход корзину с обрезками. Она врезалась ему в ноги, он отступил, ругаясь, и удар пришёлся по столу. Железо отскочило к краю. Павел оставался за прилавком; видела его руку с вырванным из тетради листом.

Первый мужчина бросился между столом и рулонами. Край натянулся поперёк его предплечья, удержал на миг и начал ползти. Подтянула коленом нижнюю перекладину стола, чтобы не оказаться следом на полу. Теперь четвёртую опору приходилось держать собственной левой рукой. Далеко за стол такое поле не доставало. Между мной и его локтем оставалась узкая полоса ткани, в которой ещё слушался знакомый шов.

Он дёрнулся в сторону прилавка. Удержала, потянув вдоль сгиба, как утром двигали мерную палку. Живой человек не собирался покорно скользить за моим движением: упёрся свободной рукой, нащупал край и стал выворачивать его. Воздуха хватало только на короткие вдохи. Правая кисть наливалась тяжестью, и забыть про неё не удавалось даже на миг.

Со стойки соскользнул лист. Павел прижал его предплечьем, дописал, опустил на пол и закрепил мерным грузом. Между прилавком и входом вспыхнула светлая полоса. Его защита перекрыла несколько шагов к зеркалу; наружный крюк глухо стукнул. Мужчина впервые разозлился.

Возчик попытался переступить линию и отдёрнул ногу. Вместо этого двинулся вдоль рулонов ко мне. Хотелось отпустить натяжение, чтобы не дать ему ударить, но первый сразу получил бы свободную руку. За моей спиной была только стенка стола.

Клавдия толкнула на пол начатый рулон. Он раскатился поперёк прохода. Возчик перепрыгнул его, зацепился носком за ткань и рухнул коленом на доски. Ругательство заглушил треск в передней. Стражник снаружи вырвал остаток стекла из дверной рамы.

Первый нападавший рванулся ещё раз. Ткань скользнула по влажной коже левой ладони. Впервые подумалось, что удержать больше не смогу. Павел стоял всего в нескольких шагах; дойти до него этот человек успел бы прежде, чем удалось бы снова подхватить край.

Потянула полотно вниз и навалилась на него грудью, не прибавляя силы, которой уже не оставалось. Чужой локоть прижало к углу. Мужчина наклонился вслед за мной, освободил вторую руку и ударил по плечу. Боль прошла по всей спине, но ткань осталась под пальцами.

Со двора пахнуло холодным воздухом. За спиной раздался голос второго стражника. Его рука легла поверх моего подхвата, тяжёлая и твёрдая. Он не пытался принять поле: вцепился в самого нападавшего и оттеснил его от угла. Только тогда удалось отпустить.

Полотно осело на столе. Попробовала выпрямиться и поняла, что всё это время стояла, упираясь животом в дерево. Павел держал свою короткую защиту. Между ним и дверью лежал лист, прижатый к полу мерным грузом; пока его край светился, к зеркальной стороне никто из комнаты не мог пройти.

Стражник прижал мужчину к столу, заломил свободную руку и велел Клавдии отойти. Она всё ещё держала пустую корзину, выставив её перед собой. Возчик уже поднялся. Оглянулся на хозяйственную дверь, потом метнулся вдоль рулонов к передней. Павел не стал растягивать за ним защиту. У входа что-то упало; со своего места возчика больше не видела.

Первый стражник вошёл, придерживая плечо. У виска тянулась красная полоса. Он показал товарищу на задержанного, обошёл светлый край Павловой записи с другой стороны и вышел к зеркалу. Теперь дверь осталась открытой. В передней кричали, требовали посторониться, снаружи звали городскую охрану.

Павел стоял за прилавком. Пальцы на опущенной руке мелко дрожали. Хотелось подойти, посадить, посмотреть, не ударился ли. Сделала шаг, и правая кисть отозвалась такой болью, что пришлось остановиться и опереться левым локтем о стол.

Клавдия оставила корзину. Разглядела рукав, потянулась к моей руке, но отпрянула от резкого вздоха. Сказала, что приведёт лекаря, и подозвала хозяйку. Та принесла чистое полотенце. Зажала его под локтем, собираясь прежде разобраться, что осталось возле двери.

Стражник снаружи подцепил тёмную накидку. Ткань не поддалась; петля у рамы натянулась, и в стекле снова пошло чужое движение. Там, где должен был отражаться прилавок,

на миг открылись ступени. Стражник отдёрнул руку, накрыл зеркало плотным хозяйским холстом и вогнал деревянный клин в нижний крепёж. От рамы донёсся короткий треск.

Павел дождался, пока покрытое стекло перестанет отзываться, и отпустил свою запись. Светлая полоса погасла. Он обогнул прилавок, опустился на стул. Хозяйка тут же поднесла ему воду. Тетрадь она держала под мышкой: подобрала, чтобы не затоптали.

Задержанного посадили на пол у стены. На мои скобы он больше не смотрел. Стражник связал ему руки, проверил, нет ли оружия, снял кожаную сумку. Линейка лежала под столом рядом с вывороченным зажимом. На ней остался обрывок льняной нити.

Приглашение нашлось под столом, с помятым углом. Павел подтвердил: подпись настоящая. Лист положили отдельно от записей, над которыми мы работали.

Потянулась собрать обрывок нити, да пальцы не двинулись. Даже отвести большой в сторону оказалось трудно. Клавдия подставила под локоть сложенное полотенце.

— Сядь хоть, — попросила она.

Села на Павлов стул. На дерево там, где стояла, уже капнуло с рукава. Сердце билось часто, во рту пересохло. Павел поднёс мне воду, придержал стакан, пока пила. У него тоже не сразу получилось поставить его на блюдце без стука.

К этому времени вошли городские стражники. Людей отвели от входа, хозяйку попросили показать двор. Дежурных послали вслед возчику. Павел предъявил документ из независимой приёмной. Сопровождающий рассказал о нападении и показал на зеркало.

Из сумки задержанного достали письмо, чертёж и свёрток нитяных креплений. Старший велел записать, откуда что изъяли, и разложить на прилавке отдельно от наших вещей.

На чертеже узнала старый подгиб с чужой боковой полосой. Схему сняли с прежней записи: новых упоров, которые два дня испытывали здесь, на ней не было. Павел уже просил второй лист.

Он прочёл, медленно сложил губы и отодвинул воду.

— Дайте посмотреть, — сказала ему.

Лист положили на прилавок так, чтобы могла прочесть со стула. В середине было написано: «Ткань получить после смерти владельца царского допуска». Ниже объясняли, какую часть забрать. Не весь сундук с вещами, не память о нашей молодости. Старую рабочую сторону с сохранившимся проходом.

Павел стоял рядом, живой, в помятом кафтане. На воротнике расстегнулась пуговица. Попробовала сосредоточиться на чертеже, но взгляд опять вернулся к строке о смерти. Если бы послушался приглашения, охрана села бы в экипаж следом или поехала рядом. Насчёт дальнейшей дороги ни в одной из полученных нами бумаг ничего не говорилось.

— Кто передал? — спросил старший задержанного.

Тот смотрел в пол. На вопрос об имени ответил, что назовёт в приёмной. Когда его попросили объяснить нападение, сжал губы. Павел не подходил ближе. Видела, как он тянется большим пальцем к больному суставу, останавливает это движение и прячет руку за спину.

Один из прибывших предложил позвать сновидицу, пока свежий след не рассеялся. Задержанный поднял голову.

— Через сон признание не вытягивайте, — сказал Павел. — Пусть отвечает в сознании. Сначала лекарю покажите.

Старший распорядился о доставке и попросил Павла остаться для показаний. Приказ ещё не устанавливал заказчика. Павел осмотрел чужую отметку внизу, имени не назвал.

Снаружи сняли накидку вместе с креплением. Петля оборвалась, на месте соединения потемнела медная оплётка. Её чуть не смахнули с рамы вместе с осколками. Поднялась со стула и потребовала остановиться.

— Петлю тоже заберите. С тем, за что держалась.

— Здесь уже записали зеркало, — ответил человек у двери.

Подошла показать левой рукой: петлю нельзя распарывать, в ней сохранилось натяжение наружной стороны. Стражник закрепил оборванный край на дощечке, оставив соединение целым. Раму и накидку отметили отдельно. Вернулась на стул.

Павел помог Клавдии поднять мой локоть на сложенную ткань. На рукаве засохла кровь; при попытке оттянуть его от кожи зашипела и потребовала ножницы. Клавдия разрезала шов, освобождая распухшее запястье. Железо рассекло кожу у основания кисти, но хуже всего болело глубже. Нельзя было ни сжать ладонь, ни повернуть её.

Хозяйка подала воду и чистые полосы. Позволила прижать к ране сложенный край, потом обернуть его вокруг руки. Павел держал конец повязки и коротко отвечал старшему на вопросы о том, что видел. Закончив, остался рядом. Клавдия осторожно закрепила повязку и помогла уложить кисть на грудь. Когда пальцы перестали свисать, стало немного легче. Согласилась ехать к Серафиме, не дожидаясь, пока запишут каждую мою скобу.

До лекарской добрались к полудню. От тряски в запястье пульсировало, и, пока поднимались по ступеням, старалась не смотреть на повязку. Павел шёл рядом, но за локоть не брал: от малейшего неверного движения хотелось выругаться. В приёмной он помог снять сумку и остался в коридоре у открытой двери, пока Серафима усаживала меня возле окна.

Рука к этому времени распухла сильнее. Лекарь разрезала повязку, вымыла рану, осторожно проверила пальцы. На просьбу повернуть ладонь ответила таким взглядом, что она вместо повторения вопроса сама придержала кисть снизу. Другой рукой прощупала место удара, потом плечо. Попросила спокойно вдохнуть.

Рассказала, как сорвало зажим и куда пришёлся удар. Пока говорила, опять хотелось показать движение. Серафима поймала мой здоровый локоть.

— На словах достаточно. Повторять не надо.

Кость оказалась целой. Пострадали связки, над ними оказался глубокий ушиб и рассечённая кожа. Когда Серафима дошла до обработки раны, пришлось попросить перерыв. Серафима без замечаний подождала, дала воды и продолжила только после кивка.

Повязку укрепили на жёсткой подкладке. Даже нитяной кончик на краю теперь не могла убрать. Серафима подрезала его сама.

— Две недели без силовой работы этой кистью, — сказала она. — Потом посмотрим, что вернулось. Большой шов сама не испытываешь до разрешения. И натяжение плечом вместо руки принимать тоже не будешь.

— Если только показать?

— Показать на рисунке. Объяснить другому человеку. Без живого подхвата через боль.

Павел стоял возле двери. Когда Серафима позвала его ближе, он прежде спросил, можно ли войти. В руках держал бумажный свёрток. Из него пахло тёплым хлебом, и сразу выяснилось, что со вчерашнего вечера толком не ела: утром перехватила кусок у мастерской и запила водой.

Серафима объяснила, что вечером повязку надо проверить, а на следующий день показаться ещё раз.

— Дома ей понадобится помощь. Лучше проследить, чтобы не бралась за обычную работу по привычке.

Павел кивнул и спросил, можно ли ей завтра ехать на осмотр креплений. Серафима начала отвечать, глядя на него.

— Я здесь сижу, — сказала обоим. — Ещё слышу и сама отвечать умею. Если вам удобнее без меня, могу в коридор выйти.

Уйти получилось бы плохо. Сумка лежала на скамье, пальто висело у двери; одной рукой с этим пришлось бы возиться долго. Оттого злилась ещё сильнее. Павел перестал кивать Серафиме и придвинул стул ко мне.

— Какой помощи ты хочешь?

— Сначала поесть. Потом чтобы сумку донесли. О завтрашнем дне после поговорим.

Он развернул свёрток на освободившемся краю стола. Булка была с разломом сбоку, корка посыпалась крошками на бумагу. Серафима велела сперва вымыть левую руку. Пока её мыла, Павел подержал правый локоть, чтобы не тянуло плечо. Потом подал булку, налил воды и сел в стороне.

Клавдия принесла пальто и рабочие вещи. Тетрадь с образцами оставили для осмотра. Из дома Павла сообщили, что сундук цел. Переспросила дважды, прежде чем перестала мысленно искать запасные ключи.

Петлю приняли на дощечке, сохранив стежок и отклик. Раму не разбирали. Хозяйке оставили опись повреждений, свидетелей пока задержали для показаний.

— Утренний участок в старом крыле возьму, — добавила она. — Подтяжку и замену прокладок. Большое за тебя не обещаю.

Собиралась сказать, что справлюсь с обычным сама. В левой ладони лежала булка, правая висела на поддерживающей повязке. Серафима стояла рядом и молча ждала.

Договорились о трёх утренних сменах, оплате и следующей сверке. Клавдия записала, где брать материал. На скамье оставила мне чистый платок: мой остался в мастерской, с испачканным краем.

Позже принесли копию изъятого приказа и запись моих показаний. Серафима разрешила несколько минут. Прочла до конца, исправила, с какой стороны появился второй нападавший. Про его судьбу нового не сказали: на улицу отправили людей, сведения ещё собирали.

Строку о смерти Павла читать опять не хотелось, но убрать лист, не сверив, тоже не могла. Проверила рисунок отметки, попросила сохранить рядом запись о петле. Один этот знак не давал права называть заказчика.

Для копии попросила независимого хранения. Павел назвал приёмную, где лежал подлинник его отказа, и помог написать туда. Посыльный забрал экземпляр; оригинал приказа остался у городской охраны.

К вечеру Серафима проверила пальцы над повязкой и отпустила домой с условием вернуться утром. Павел предложил экипаж. Хотелось ответить, что здесь недалеко, но припомнила ступени у собственного входа и кивнула. Клавдия помогла надеть пальто, Павел взял сумку.

На бумаге осталось полбулки. Собиралась предложить её Клавдии, потом Серафиме: обе с утра работали. Но Серафиму уже звали к другому человеку, а Клавдия складывала чистые полосы. Попросила завернуть мне остаток. При выходе пришлось остановиться и поправить поддерживающую повязку; Павел подождал, не торопя. В экипаже устроила больную руку на коленях. Свёрток положила на сумку и придерживала здоровой ладонью: булку можно было доесть дома.

Глава 4. Охрана с открытой дверью

Авдотья

Копию приказа пришлось придерживать локтем: левой не удавалось развернуть бумагу и вынуть пропуск. Павел забрал сумку, стражник подставил дощечку. Пальцы после перевязки распухли меньше, но жёсткая подкладка мешала каждому движению. У дверей Серафима напомнила, что на приёме можно попросить стул.

Елена уже ждала. Рядом с её столом стоял другой, без скатерти, с разложенными под стеклом вещами. Тёмная петля накидки лежала на той самой дощечке. Медную оплётку оставили как была, с оборванным краем. Возле неё поместили снятый с рамы крепёж и бумагу из сумки нападавшего.

Садилась под объяснения мастера. На приказе и на петле отозвалась исполнительная ветвь Сомовых. Отметку сверили с прежними выдачами городской мастерской, сохранившимися у отдельного поставщика.

— Значит, письмо прошло через их людей, — сказала Елена.

Мастер подтвердил. Подпись заказчика на нём отсутствовала. Чужую отметку могли поставить по переданному распоряжению; кто его передал и с каким правом, ещё выясняли.

Павел склонился над копией, выясняя, где кончается первоначальная запись и начинается поздняя приёмочная помета. Смотрела на шею над воротником. Чужая рука прошла совсем рядом.

Елена выслушала рассказ о выходе из мастерской. Охрану у Павла она собиралась усилить уже сегодня. На краю её стола лежало предложение: комнаты при закрытом архиве, собственная небольшая приёмная, отдельное место для сундука с покрывалом.

— После вчерашнего оставлять прежний порядок нельзя, — сказала она. — У архива подготовлены стены и проверены входы. Здесь понадобится меньше людей.

В предложении рядом с Павловыми комнатами отвели две для меня. Окно, рабочий стол, проход к хранилищу. Внизу стояло: «Постоянное присутствие ответственной мастерицы».

Подвинула лист обратно.

— У меня рука в повязке. Остальное время тоже не всё свободное.

— Работу без вас теперь могут прервать.

— Тогда её надо устроить так, чтобы прерывалась. Сидеть при сундуке круглые сутки не смогу.

Слова прозвучали увереннее, чем чувствовала себя. Вчера у самого сундука задержалась бы без всяких уговоров. Сегодня на чужом листе уже помещались моя постель и все часы между подъёмом и сном.

Павел положил ладонь на спинку соседнего стула.

— Останусь в нынешнем доме. Работать можно в наружной мастерской Двора Тихой Чаши. Шэнь согласилась обсудить условия; насовсем занимать её помещения никто не предлагает.

Елена посмотрела на лежавшее перед ней распоряжение об охране, принятое несколько дней назад.

— Там придётся проверять каждый приход и перевозить материал.

— Проверяйте. Приглашение принял за настоящее сам. Выезд без подтверждения не состоится, это уже усвоил. Но дверь моего дома не должна ждать вашего письменного разрешения, чтобы выпустить хозяина.

Елена постучала пальцем по плану архива. В комнате стало тихо, слышно было, как мастер закладывает полоской место в книге выдач. Царица спросила, где при таком порядке будет жить Авдотья Петровна.

Ответила раньше Павла: в своём временном доме. На работу буду приезжать. Назвала утренние часы, которые могу обещать, пока лечится кисть, и отдельное время для согласованных проб. Вечера заранее распределять не позволю. Павел слушал, не добавляя за меня, какие исключения потребуются ради срочного дела.

— А покрывало на ночь? — спросила Елена.

Уговорились просить Шэнь об охраняемом помещении при наружной мастерской. До передачи сундук оставался у Павла. Замок и журнал входов принимала обычная смена; непонятные отклики — приглашённый мастер. Ради этого держать меня при хранилище не требовалось.

Елена вызвала распорядителя. Пришлось выделить ещё одну смену, оплатить охраняемую перевозку и убрать из ближайшего расчёта ремонт гостевой галереи. Распорядитель возразил: материал для неё уже заказан. Царица велела сохранить заказ, перенести начало и составить новый расход. Никто в комнате не обрадовался дополнительной работе.

Перед уходом проверила, что в моём экземпляре не осталось «постоянного присутствия». Павел забрал свой лист. Копии записей и обмеров отправлялись независимым хранителям, а дощечка с петлёй осталась под стеклом.

У дверей Елена остановила Павла и попросила сообщать об изменении места работы прежде выезда. Он согласился. Стражник открыл нам обычную дверь, придержал её, пока проходила с повязкой, и выпустил в коридор. Из моей сумки торчал край нового распорядка. До экипажа несла его сама, неловко прижимая локтем.

Через день к полудню в наружной мастерской Двора Тихой Чаши поставили сундук с покрывалом. Шэнь приняла помещение под оговорённую работу: со своим входом, охраной у ворот и оплатой занятых часов. Ключ от сундука оставался у меня, второй опечатали при свидетелях и оставили у Шэнь. В соседней комнате уже работали ученики, и наставница сразу попросила не таскать наши материалы через их проход.

Долго возилась с застёжкой пальто. Егор, ждавший у стола, спросил, помочь ли, и после кивка освободил застрявшую пуговицу. Повязку он не тронул. Клавдия устроила возле моего стула доску для рисунка; Родион отодвинул ближе невысокую стойку с поперечиной.

Старый край развернули поверх чистого полотна. Пришлось просить Клавдию переворачивать каждый сгиб: правые пальцы над подкладкой оставались неподвижны. Левой держала тупой деревянный указатель. Когда он скользил, хотелось перехватить как следует. Вместо этого клала на колени и начинала фразу заново.

Для пробы выбрали малый наружный карман, оставив глубокую царскую связь нетронутой. Родион закрепил стойку, Егор проверил запас своего участка. Клавдии предстояло соединить новую полосу со знакомым подхватом.

— Здесь захватывай обе нити, — показала ей на рисунке. — Иначе нижняя останется свободной.

Она провела иглу, вытащила, проверила изнанку. Сделала новый стежок. Мои руки до боли помнили, какое движение теперь нужно, но подсказывать каждое не требовалось: этот участок мы разбирали задолго до нападения.

Шэнь стояла у торца. На столе перед ней лежала мерная полоска, куда уходил отклик от наружной подачи. Она спросила Егора, что тот собирается принимать.

— Карман и выход к нему. В пределах отмеченного расхода.

Родион показал, где проходит следующий сгиб. Егор посмотрел и положил свой держатель ближе к первой отметке.

— Дальше пока не обследовано. Туда не беру.

— Дальше сегодня и не требуется, — ответила Шэнь.

Она поправила ему локоть прежде, чем он закончил движение. Егор остановился, подождал, потом вернул руку в прежнее положение: так видел мерку и мог убрать подачу. Настав-

ница взглянула со стороны, позволила продолжить. Клавдия всё это время ждала с иглой над тканью.

Полоса натянулась. Между старыми складками открылось небольшое углубление. Родион опустил туда деревянную катушку. Та ушла целиком, хотя снаружи сгиб оставался плоским. На изнанке не появилось ни выпуклости, ни второго предмета.

Задержала дыхание и заставила себя выдохнуть. Пальцы правой руки отозвались неприятным покалыванием. Шэнь посмотрела на меня, и пришлось положить указатель на стол, чтобы не выглядеть человеком, готовым тихонько помочь.

Родион передал держатель Егору. Клавдия принимала наружное крепление двумя руками; у неё побелели кончики пальцев. Прикоснулась указателем к деревянной подставке, показывая, куда можно опереться. Она передвинула кисти и перестала держать вес на себе.

Родион убрал ладонь — и дальний край опустился. Из-под ткани проступила округлая головка катушки. Клавдия оглянулась на меня, но Егор уже снимал нагрузку. Катушку вынули, карман закрылся. Старые складки легли на место.

— Не держит передачу, — сказал Родион, глядя на стойку.

Наклонилась ближе и показала Клавдии нижнюю петлю. Она сидела на скосе поперечины. Пока Родион придерживал сторону, перекос выбирался его рукой. После передачи петля съезжала вниз. Подняла здоровую ладонь, почти дотянулась сама и остановилась над столом.

Клавдия переставила прокладку. Егор обошёл стойку, проверил, видит ли свою отметку с прежнего места. Ещё раз попробовал прекращение на пустой полосе. Шэнь разрешила повторить.

Во второй раз катушка удержалась и после ухода Родиона. Клавдия держала крепление, Егор — свой участок, Шэнь считала расход. Через несколько спокойных вдохов закончили по условленному знаку.

Покрывало осело, катушку положили на стол. Малый карман пережил смену мастера. Глубокую старую связь ещё предстояло обследовать.

Родион начал прикидывать, где в будущей общей схеме разместится такая сторона. Предложил присоединить её к самостоятельным выходам, над которыми работал давно, попросил карандаш и потянул бумагу к себе.

Шэнь прижала угол его листа мерной полоской.

— Сначала отдельный расход. С твоим тоже сверим. Пока один крепёж держали снаружи, это надо записать.

Родион взял чистый лист; Егор подвинул запись остановки. Клавдия проверяла новую полосу с изнанки. Обошла стол и убрала свою мерку в футляр, дожидаясь её результата.

Два дня спустя Аглая принесла отчёт в наружную мастерскую. На ней было дорожное пальто, хотя приехала всего лишь с другого конца города. Пока снимала его, из рукава выпала перчатка. Она подхватила её раньше, чем успела нагнуться, и сразу спросила, есть ли где поставить сумку, чтобы никто не переложил бумаги ради чистоты.

Освободила ей край стола. Клавдия ушла принимать доставку, Егор сравнивал записи в соседней комнате. На моей доске лежал список вечерних работ; писала его левой рукой, и буквы получались как после плохой дороги.

Аглая вынула оплаченный отчёт, копии изображений и расписку о принятом заказе. Исходные носители остались у Нины. Смотреть их заново следовало там, при хранителе, а не передавая друг другу в тесной мастерской.

— Что нашли? — спросила её.

Она положила рядом две короткие записи. Люди рассказывали о коронации Елены, стояли в разных местах, но повторяли одно и то же движение Аглаи: будто та наклонилась к царице и продиктовала ей слова перед возложением венца. Совпадала даже поправка, которую оба внесли после первого вопроса.

Внешняя городская запись относила тот день к погребальной процессии. Коронация была позже; вынесенные из дворцовых связей копии сохранили обе даты. Поверх обоих воспоминаний прошёл одинаковый край чужой рамки.

Аглая показала его на рисунке. По одному неверно названному дню нельзя было решить, что человек видел подмену. Теперь у неё были и расхождение с независимым календарём, и один повторившийся способ наложения. Кто принёс образ каждому свидетелю, ещё предстояло установить. Елена получила выводы утром; нам Аглая привезла согласованную выписку.

— Опять хотят, чтобы поверили, будто царским домом распоряжаюсь из-за спинки кресла, — сказала она и рывком вытащила лист из-под своей перчатки. — На службу без приглашения вернуться нельзя, зато державой управлять, оказывается, просто.

Слово «служба» задело. Вспомнилось, как впервые увидела её у тех комнат: торопится, всё замечает, хочет, чтобы заметили саму. Теперь на столе лежал её собственный оплаченный труд, а про неё опять рассказывали удобную чужую историю.

— Отчёта хватит, чтобы прекратили? — спросила.

— Чтобы это опровергать с источниками. Кто захочет повторять без них, продолжит.

Она села, наконец развязала тесёмку у воротника. Рассказала, как один из принявших заказ людей предложил смягчить вывод. Пусть останется, что её присутствие могло повлиять на Елену, просто дату свидетель путает. Тогда будто бы никто не окажется окончательно неправ.

— У меня есть собственные подписанные решения, — сказала Аглая. — За них и отвечу. Эту сцену приписывать себе ради удобного окончания беседы не стану.

Аглая попросила воды. Пока я ходила за кувшином, она поправила сбившуюся прядь и пересчитала листы. Злость никуда не делась, только пальцы перестали дёргать край перчатки. Спросила, не нужно ли ей перед отъездом поесть. Аглая поблагодарила и показала следующий пакет.

Нина принесла выписку из старой описи работ с покрывалом. Аглая сравнила её с моим актом. Номера совпали. После общей приёмки значилось исполнительное приложение, на которое ссылалась и моя бумага. Мне его не выдали.

— Значит, ещё один чертёж? — спросила.

— Или порядок исполнения. По названию не узнаем.

Провела пальцем вдоль строки, забыв про повязку, и спохватилась от боли. Вынула левую руку из-под правого локтя, чтобы показать место на копии. Старую подпись узнала сразу. Что именно добавляли на отдельном листе, помнить не могла: такого листа у меня не было.

В запрос, который составила Аглая, вписала год работы и номер своей приёмки. Пока ждали, Егор спросил о времени новой сверки. Назвала час и рядом с ним в своём расписании вписала Аглаю, отодвинув лист от кувшина.

Под вечер Елена разрешила работать с делом в возвращаемом архиве и велела сохранить приложение, если оно найдётся. Сам архив ещё не передали. Пришлось ждать.

Аглая сделала себе отметку о разрешении. Оригинал ответа оставила мне, свою выписку убрала в сумку. Приподняла доску, чтобы вытащить зажатую перчатку, и увидела расписание.

— Это на сегодня?

Подтвердила. Объяснила, что вечером надо принять образцы, снять два показания и закрыть рабочий участок вместе с Егором. Ему требовался человек у второй мерки.

— Сначала спросить не захотелось? — сказала она.

Начала было отвечать, что дело ненадолго. Аглая стояла возле стола, держала перчатку и ждала. Голос повысить оказалось бы легче, чем договорить это объяснение.

— Подумала, ты всё равно здесь.

— Была здесь по согласованной работе. Теперь ухожу. Сегодня вечером не могу.

Пришлось поднять глаза. Хотелось услышать причину, такую вескую, чтобы не осталось соблазна возразить. Аглая не стала её приносить. Попросила убрать имя из расписания и повернулась к двери. Перчатку натягивала уже на ходу; помочь с тесной застёжкой не попросила. Из мастерской вышла со своей сумкой, оставив на столе законченный отчёт.

Имя Аглаи пришлось зачернить: левой рукой аккуратно выскоблить не получалось. Под ним осталось пятно. Егор вышел за очередной меркой, посмотрел на расписание и спросил, кто будет вечером. Ответила, что сейчас выясню. Он кивнул и вернулся к работе. Другой вечерней смены у него пока не было.

В первое мгновение хотелось развернуться и остаться самой. Потом подумала, что Аглая могла хотя бы сказать, куда так спешит. Сидела над этой мыслью, пока не вспомнила, как объясняла Елене собственное право жить в другом доме. Утешения в воспоминании не нашлось.

Клавдию встретила у ворот. Она несла пустой чехол от образцов и собиралась уходить. Придержала дверь, спросила, есть ли у неё сегодня два свободных часа на оплаченную работу. Объяснила, какую именно, прежде чем назвать сумму.

Она поставила чехол к стене.

— До восьми могу. Потом заступают другие?

Надо было проверить. Вернулась к Егору, выяснила время остановки, попросила назвать все действия у второй мерки. Ничего из того, что Клавдия ещё не умела, там не было. Она согласилась, записала часы и оплату. Знала бы заранее — взяла бы еду; пришлось попросить в школьной кухне оставить ей ужин за мой счёт.

До выхода задержалась, слушая, как Егор показывает новую запись в журнале. Клавдия задала вопрос о пределах, получила ответ и села у своего места. У них уже шёл разговор, для которого моё присутствие не требовалось. Забрала сумку и попросила подать экипаж к воротам.

Павел пришёл в назначенный час. На нём был плащ с другой застёжкой: прежняя плохо поддавалась пальцам. Он расстегнул её без помощи, повесил вещь у двери и посмотрел на два стула у моего окна.

— Какой можно занимать?

На одном лежали бумаги. Перенесла их на стол, предложила садиться. Павел устроился осторожно, вытянул ноги. В моей комнате было теснее, чем в его доме; чтобы пройти к шкафу, приходилось отодвигать стул. Прежде уже начала бы объяснять неудобство хозяев и необходимость скорой перестановки. Сегодня села напротив.

Спросил про руку. Рассказала о перевязке, покалывании и о том, как трудно застёгивать ворот. Он спросил, помочь ли сейчас. Позволила поправить выбившийся край поддерживающей полосы. Павел сделал это левой рукой, неторопливо, придерживая конец двумя пальцами. От его осторожности хотелось и рассердиться, и посидеть ещё так, близко.

Потом он рассказал про новое расписание у Серафимы. Упражнения перенесли на утро, перед приёмом посетителей оставили отдых. Поначалу Павел решил, что можно отдыхать, пока ему читают письма. Серафима попросила принести такие письма на следующий осмотр, чтобы понять, от чего именно он собирается восстанавливаться.

— Принёс? — спросила его.

— Там целая пачка. Решил сначала полежать.

Улыбнулся, но тут же признался: выдержал не весь назначенный промежуток. Зато вернулся к работе прежде, чем пальцы начали отказывать. Рассказал, как отдал одну сверку другому мастеру и потом долго искал на столе лист, который уже не должен был получать обратно.

— Скучно? — спросила.

— Непривычно. Всё время кажется, что забыл дело.

Повернулась к окну. Во дворе зажигали свет, по лестнице поднялся сосед, возился с замком. На столе оставалась моя сумка, и в ней лежала книжка со всеми утренними часами. Могла

бы достать, показать ему, сколько работы удалось передать и что ещё надо успеть до заживления руки. Вместо этого рассказала про Аглаю.

Без попытки представить, будто она обещала, а потом передумала. Павел выслушал, спросил, сняли ли участок на сегодня. Сказала про Клавдию и Егора. Он кивнул, не предложил объяснить Аглае, насколько всё было важно.

— Теперь сидят там без меня, — добавила, прислушиваясь к двору. — Если помешаю, когда приеду, будут правы.

Павел не ответил сразу. Его молчание хотелось заполнить ещё одной полезной подробностью. Удалось только потереть здоровой ладонью край юбки.

— Я боюсь оказаться лишней, — сказала наконец. — Пока работа держится на мне, понятно, зачем зовут. А потом можно перестать звать.

Он посмотрел на повязку, затем на меня. В комнате стало тихо. Подумалось, что теперь наверняка скажет: без моей помощи всё рухнет, ему самому всегда будет нужна такая женщина. Раньше в этих словах нашлось бы достаточно тепла на несколько лет.

— Если сегодня они справятся, куда тебе хотелось бы поехать? — спросил Павел.

Пожала плечом и тут же пожалела: правую руку потянуло. Он дождался, пока устрою её удобнее.

— Мы ведь собирались за город, — напомнил. — Не обязательно туда, где надо что-нибудь поправлять.

Хотелось ответить, что теперь не до поездок. За окном был обычный вечер, работа в мастерской шла чужими руками, а Павел ждал ответа. После всего разговора этот ответ прозвучал бы странно.

Вспомнила небольшой сад за городской заставой. Когда-то ездила туда осматривать занавеси в старом павильоне. Дорожки от ворот расходились к воде, у ближнего пруда стояли низкие скамьи со спинками. Хозяйка дома пускала людей за небольшую плату; можно было принести свою еду или купить её возле входа. С тех пор собиралась вернуться без рабочей сумки.

Павел спросил, далеко ли идти от экипажа. Объяснила, где высадят. Стало легче говорить: место было настоящим, могла вспомнить скрип ступеньки и камень возле берега, на котором удобнее сидеть, чем на сырой траве.

— В павильон заглянем? — спросил он.

— Если захочется. Только занавеси проверять не стану.

Павел улыбнулся и попросил выбрать день. Оказалось, в ближайшие недели у обоих всё уже расписано. Дважды поймала себя на желании поставить прогулку между окончанием одной работы и началом другой. Оставили день через четыре недели, когда у него был промежуток между занятиями, а мои обещанные сроки уже проходили.

Достала книжку. На нужном месте стояло обыкновенное «свободно». Хотелось сначала проверить, не понадобится ли этот день для большой пробы. Но пробы ещё не назначили. Никакого обещания на эту дату не давала.

Записала: «Сад. С Павлом». Писала левой, буквы легли криво; пришлось дописать хвостик у последней. Павел наклонился посмотреть, уточнил, с какого часа можно заказывать экипаж. Назвала утро, после завтрака. Он повторил время и убрал собственную книжку. Мою закрыла и положила в ящик, оставив на столе только ключ от дома.

Глава 5. Земля с живущими на ней

Мирон

У въезда в возвращённое поселение телега провалилась правым колесом между брёвнами. Мирон спешился, передал повод и встал рядом с возчиком. Вдвоём приподняли задок, под колёса подвели доску. От возчика пахло мокрой овчиной; он старался не смотреть на знак Вересков у Мирона на груди.

Телегу вытянули. Возчик поблагодарил и тут же спросил, позволят ли ему забрать семью до вечера.

— Зачем до вечера?

— Сказали, сегодня принимать будете. Чтобы к приёмке двор освободили.

Внизу, за дорогой, стояли два жилых дома, амбар и мельница. Здесь Мирон мальчишкой учился различать потоки в водяном колесе. Амбар успели расширить, у мельницы сменили кровлю. На прежнем месте остался только камень, с которого было удобно прыгать к воде. Между камнем и крыльцом женщина развешивала детские рубахи.

— Кто велел освободить?

Возчик кивнул на ехавших следом людей. Один из уцелевших родичей уже слезал с коня, разглядывая двор с тем выражением, с каким Мирон сам смотрел бы на найденную после пожара вещь.

— Вещи пока оставь, — сказал Мирон. — Сегодня тебя никто не выгонит.

Приёмку начали на шестнадцатый день. Младшие ветви прежних владельцев передавали землю в подтверждённых границах. Мирон рассчитывал оплатить из дохода обучение и ремонт обители. А у дороги ждал воз с постелью; под мостками вода размывала опору.

Родич подошёл без приветствия.

— Здесь наш дом был.

— Помню, — ответил Мирон.

— Тогда зачем оставляешь их? За нас никто не заступился. Шесть лет чужие пользовались, теперь ещё спрашивать станем, удобно ли им уходить?

У женщины выпала прищепка. Она наклонилась, подобрала её и продолжила вешать бельё. Мирон помнил этот приём: заниматься маленьким делом, пока рядом решают, что с тобой будет.

Хотелось сказать родичу, что дом вернулся. Показать своё имя на передаточном листе. Но возчик ждал ответа о постели, а лист не чинил проломленной дороги.

Вера приехала в крытой повозке вместе с Денисом. На стол у мельничного окна она выложила расчёт и три договора. Один принёс сам возчик. Его семья четыре года работала на мельнице; часть платы получала зерном. Обещанная доля нынешнего урожая ещё не была выдана.

— Заключали не с нами, — сказал родич.

— Работали здесь, — ответила Вера. — Колесо кто менял?

Мельничиха показала обожжённую ладонь. Попросила вернуть ей договор, когда посмотрят: другого у неё не было.

Мирон прочёл лист. Почерк распорядителя был знакомый, сомовский знак настоящий. На обороте стояла запись о покупке нового вала за деньги работников. При общей отмене прежних сделок вал стал бы его собственностью, а долг перед людьми исчез бы вместе с подписью чужого управляющего.

— Сколько теряем? — спросил он сестру.

Вера подвинула расчёт. Треть уже подсчитанного зерна принадлежала работникам и поставщикам. Дальше шли семена, недоплаченное жалованье, мостки. Свободный остаток, которым Мирон успел несколько раз распорядиться в уме, уменьшился до двух коротких строк.

Мирон взял книгу счетов. Восемь месяцев, со времени утечки расписания, Верины записи проверяли наравне с чужими. Она не помогла перевернуть страницу.

— Можешь сверить у поставщика, — сказала она. — Только до расчёта с людьми денег больше не станет.

Денис принёс со двора гнилой обломок поперечины и положил возле книги.

— Через это пойдут подводы. Две балки, щебень и скобы нужны сейчас. А столбы для въезда могут полежать.

Торжественный въезд придумал Мирон. Хотел вернуть знак дома туда, откуда его срубили. Денис не называл столбы ненужными.

— Там уже наняты люди, — сказал Мирон.

— Пусть сделают мостки. Резчик получит за готовую работу, остальное отложим.

Родич ударил ладонью по подоконнику.

— Выходит, опять нам ждать. Они здесь живут, мы по чужим углам, а теперь ещё нашу долю на них потратят.

Мирон посмотрел на него. Рукав у мужчины был перешит из двух кусков. Нельзя было отделаться ответом о великодушии: ему требовались жильё и заработок, и ждать он устал не меньше остальных.

— Пустой дом у верхней дороги можно принять завтра. Крышу осмотрим вместе. За работу на мостках заплатим. На мельницу вас не поселят.

— Благодарить за собственный пустой дом?

— Не надо благодарить. Но чужую семью сегодня не выгонят.

Договоры добросовестных работников он оставил в силе. Спорные покупки и дома велел разбирать по отдельности, с прежними записями и нынешними жильцами. Родич отказался остаться к обеду; Мирон не пошёл его возвращать.

До восемнадцатого дня они осмотрели ещё несколько дворов. В одном пришлось разнести по разным листам право на землю и право на купленную печь. В другом прежний распорядитель действительно занял дом изгнанной семьи: жильё опечатали для разбора, людям дали время вывезти личные вещи.

Вечером Вера принесла исправленную ведомость. Мирон снял из неё деньги на резные столбы и перенёс в дорожный счёт. После подписи попросил Дениса сохранить готовый знак. Тот завернул его в мешковину и убрал под крышу, где не капало.

В помещении межродовой комиссии пахло печной сажей и свежей стружкой. Для заседаний отвели прежний дорожный пост на границе владений. Скамьи принесли из соседнего дома, под одну ножку стола пришлось подложить щепку. Мирон приехал раньше сомовских представителей. Парадное кресло, которое он просил не привозить, уже стояло выше остальных, упираясь спинкой в стену.

К двадцать второму дню выяснилось, что недостающий брус можно получить через склады Семёна Сомова. Путь был короче обходного, скобы имелись на месте. Заодно Семён соглашался подтвердить две спорные границы. Смета лежала перед Мироном; в ней хватало неприятного и без подвоха.

Поверенная Семёна вошла с двумя помощниками. Одного Мирон узнал по белёсому шраму возле уха. Во время разгрома тот стоял у захваченной заставы и отмечал выходившие семьи. Мирон видел его из-за изгороди, когда возвращался искать уцелевших. За шесть лет шрам сделался шире, лицо обрюзгло.

— Этот тоже будет подтверждать границы? — спросил Мирон.

Поверенная проследила его взгляд.

— Он принимал участки. Без него трудно установить, что передавали тогда.

— Назовите, что именно принимали.

Человек положил на край стола папку, но не открыл. Вера села рядом с Денисом. Мирон убрал руку с лежавшего у бедра клинка: здесь её заметили бы раньше слов.

— Землю, постройки, запасы по описи. Людьми ведала стража.

— На заставе вы стояли.

— Сверял вывезенное.

— И тех, кто вывозил?

— И их.

Вера подвинулась к столу.

— Нас тогда не пустили за мукой. Ключ от амбара кому отдали?

Помощник ответил после паузы:

— Мне.

Мирон хорошо помнил ночь, когда делил между детьми холодную кашу. Из тех детей некоторые теперь сами зарабатывали себе на хлеб. Человек напротив смог бы перечислить номера замков и не ошибиться; Мирону потребовалось усилие, чтобы спросить о распоряжении, а не ударить его лицом об стол.

— Здесь оригинал?

Под описью лежал приказ о передаче запасов с отметками приёмщика. Вера показала строку: зерно уже принадлежало новым хозяевам, когда людей ещё выводили. Поверенная заговорила о сегодняшней поставке.

— Семён готов дать материал без ожидания окончательного раздела. Это не признание всех заявленных сумм, но возможность начать ремонт.

— За это надо снять вопрос об амбаре?

— За это надо признать понесённые им расходы. Мы не предлагаем вам забыть прошлое.

— Тогда не кладите его под смету.

От остальных он тоже потребовал назвать своё участие в захвате и предъявить первичные распоряжения.

Мирон велел оставить подлинник хранителю комиссии, снять копии при свидетелях и выдать расписку.

— Добровольную передачу занесите в протокол, — напомнила поверенная.

— И то, что вашего помощника узнали, — добавил Мирон. — Его участие в прежнем захвате будут разбирать отдельно.

На другой стороне стола перестали перелистывать бумаги.

— Если вы станете задерживать каждого нашего человека, передавать будет некому, — сказала она.

— Сегодня его не задерживают. Поставка не покупает ему оправдания.

— И фамилия не должна покупать обвинения.

Мирон встретил её взгляд. Ответ был неприятен тем, что возразить по существу оказалось нечего.

На карте сейчас принимали два участка. Лес у верхнего ручья оспаривала другая ветвь; его оставили до решения Елены. Поселения у складов должны были сами согласовать хозяйственные обязательства. Их нельзя было вернуть вместе с лесом как межевые столбы.

Прибывший оттуда посланник вынул из сумки три отдельных поручения. Пожилой, с выбеленными солнцем бровями, он прочёл каждое вслух, хотя писарь уже собирался их переписывать. Ему поручили согласовать объезд, сроки и получение груза. Срок у ближайшего склада истекал через три дня, в полдень; после уходил заранее нанятый обоз.

— Брус тогда уйдёт другому покупателю? — спросил Денис.

— Брус останется. Подводы уйдут. Людей в дороге держать задаром не получится.

Посланник провёл ногтем по краю столешницы, где торчала заноза. Мирон подвинул ему гладкую подкладную доску, чтобы не цеплялся рукав. Тот поблагодарил и предложил доста-

вить последние оригиналы в обитель, когда писарь закончит сверку. Увозить их обратно требовалось ему же.

Спор о наблюдателе занял больше времени, чем расчёт перевозки. Поверенная соглашалась на комиссионного писаря. Мужчина от семей, изгнанных с земли, потребовал присутствовать сам: в прежних описях имущество его семьи уже однажды стало бесхозяйным. На сомовском жалованье он не состоял; Мирон тоже не мог ни назначить его, ни заменить.

— Ваш наблюдатель станет ходить по нашим складам? — спросила поверенная.

— Сверять то, что передаётся, — ответил тот. — Ваши личные комнаты не нужны.

Доступ к вересковской стороне расчётов наблюдатель тоже потребовал: собирался сравнивать обещанное с полученным, включая требования уцелевших родичей. Мирон расписался под этим условием после недолгой паузы.

Семён давал брус, скобы и проверяемую границу — можно было начать ремонт до сбора урожая. Хранение и перевозку оплачивали, прежние расходы принимали по подтверждениям. Дело о захвате оставалось отдельным.

Когда собрались уходить, Мирон отодвинул парадное кресло. Его ножка давно зажала полу плаща. Поверенная придержала стол, пока он освобождался, и не улыбнулась. От этой небольшой учтивости ненавидеть её стало труднее, а доверять — ничуть не легче.

Утром двадцать пятого дня Мирон вынес в мастерскую переносную раму. Через два часа должны были закончить последние складские бумаги; к вечеру он ждал Аглаю. Она выехала из Неусыпи позавчера, на три обычных дорожных дня. Комиссия оплачивала ей чтение спорных сонных заверок, и Мирон обещал освободить стол к её приезду. После работы собирался показать ей верхний дом. Там наконец перестало течь на кровать.

На поперечину пустой рамы Мирон положил деревянную мерку. Мастерскую питал местный источник; узкая вставка связывала её с опорой Седьмой опочивальни. Обе стороны обследовали несколько месяцев назад. Вставка пропускала только отмеренную ци, людей и груз не переносила.

Восемь месяцев Мирон возвращался к одному упражнению. Каждый участок держал свой малый объём, последовательный обмен получался. Одновременное удержание снова оказывалось у него в руках.

Шэнь просила записывать время до первого исправляющего движения. Сегодня Мирон надеялся обойтись без него.

Денис закрепил переносную сторону на козлах. Нанятая для измерений мастерица села у стеклянной шкалы. Держать чужую обитель ей не требовалось. Мирон показал Денису механический сброс; тот опустил рычаг и снова поднял после проверки.

Под пластиной у стены скрывался наследный ход, подчинявший отдельные потоки. После принятия комнаты Мирон испытал его на пустой стороне. Сегодня он оставался закрыт: до скобы надо было отойти от рамы.

Он встал у рамы, пропустил первый поток. Мерка сдвинулась на ширину ногтя и остановилась. Мастерская приняла отдачу. Мирон убрал пальцы с ближнего крепления; расстояние сохранилось.

Со стороны комнаты пришёл второй ответ. По руке прошла знакомая прохлада. Он разнёс отдачу, позволил переносной стороне взять свою долю. На мгновение все три стекла показали разный, устойчивый расход. Деревянная мерка оставалась на месте.

Потом среднее стекло посветлело.

Переносная сторона отдавала больше, чем принимала мастерская. Мирон изменил положение стопы, удерживая плечо свободным. Стекло не потемнело. Рама дрогнула, и привычное движение вышло прежде, чем удалось его остановить: Мирон перехватил избыток своей линией.

Обе внешние отметки сразу выровнялись. Боль вошла под лопатку, отдалась в локоть. Ему хватило бы силы продержаться несколько минут. Со стороны получилось бы удачное соединение. Стоило убрать его личную подпитку, и переносная сторона начала бы складываться.

— Сброс, — сказал он.

Денис нажал сброс. Мирон отвёл остаток в расходное крепление и отпустил раму, лишь когда мастерица сняла отметку. Деревянная мерка стукнула о козлы. Он нагнулся за ней — пришлось опереться о стол.

— Не поднимай, — сказал Денис. — Лежит и лежит.

Мирон выпрямился без мерки. Плечо тянуло так, будто за ворот повесили мокрый мешок. Терпением старая линия не лечилась; целительница предупреждала ещё до шестой ступени.

В журнале появилась запись о перехвате на себя. Мирон не разрешил повторять опыт. Оплаченное время измерительницы закончилось сверкой; Денис унёс раму, оставив её разомкнутой. Закрытая пластина у стены осталась нетронутой.

Посланник ждал в малой приёмной. Три поручения лежали перед ним рядом с окончательным расписанием. Мирон сел напротив, стараясь не придерживать плечо: человек пришёл по делу, в котором его боль ничего не меняла.

У общей гарантии пустовало место для подписи. Сохранив договоры и признав расходы, Мирон ждал ответного согласия жителей на защиту и переход.

Посланник прочёл страницу до конца.

— Обоз подтвердить могу. Здесь подписи не будет.

— Что ещё требуется?

— Спросить тех, за кого составлена бумага.

Мирон взял одно из поручений. Там действительно перечислялись дорога, груз и сроки. Других полномочий посланник себе не присваивал и на комиссии.

— Мы не можем заново собирать людей по каждому условию, — сказал Мирон. — Они получат дома, дорогу и прежнюю долю. Это уже внесено.

— У вас записано, что согласованы все условия защиты. Таких слов не поручали. Кто-то согласится, другой попросит отдельный выход на свой двор. Нужно привезти им лист.

— Дорогу станем держать общей, а отвечать каждый будет лишь за свою калитку?

— За дорогу и приехал. Остальное дайте отвезти.

Мирону почудилась та же вежливость, с которой ему прежде объясняли, почему Вереск кам пока рано возвращать собственное. Требование снова отступало на один шаг, стоило подойти. Поручение не вызывало сомнений. Но услышать отказ после всех уступок оказалось почти невыносимо.

Посланник отложил перо.

— Дойдём до склада до полудня — успеем дать отправку. Можно увезти эту страницу с собой и потом ответить отдельно.

Мирон уже собирался вернуть ему расписание, когда у дверей появился начальник дорожного дозора.

На южном объезде обнаружили два приготовленных крепления для перехвата подвод. Одно уже питалось от спрятанного расходника. Место было в стороне от обычного тракта, на пути, который выбрали для бруса. Двое людей ушли через кустарник, дозорный видел на одном складской нагрудный знак. Имя и лицо назвать не смог.

Мирон потребовал послать людей к следующему повороту и остановить выход своих пустых телег. Начальник оставил на столе схему найденного крепления. На ней была отмечена та же развилка, о которой утром говорили с посланником.

Мирон вспомнил провалившееся колесо и женщину у бельевой верёвки. Он едва не пустил туда людей, обещавших ему работать. На этот раз у него хватало силы закрыть путь заранее.

— Кто знал маршрут? — спросил он.

Посланник назвал складского распорядителя, писаря комиссии, возчиков. Оговорился, что про других ему неизвестно. Всё, что принёс сам, было передано открыто, при свидетелях.

— До выяснения останетесь здесь.

— До выяснения чего?

— Кому передали сведения и что готовят на дороге.

Посланник посмотрел на начальника дозора.

— Отвечать готов. Обвинение какое?

Мирон не мог назвать обвинения. Пальцы неприятно немели после пробы. Ему хотелось, чтобы хоть одно дело сегодня не пришлось отпускать незаконченным.

— Здесь безопасно. Проверка займёт несколько часов.

— У склада ждут до полудня. Если перекрыли объезд, можно послать верхового по тракту. Нужна совместная отметка об отправке. Потом разбирайте крепления.

— Не станем отправлять обоз, пока не знаем, кто его ждёт.

— Тогда подпишите перенос срока. Но держать меня зачем?

— Никаких подписей до сверки, — сказал Мирон. — Ни на отправку, ни на перенос.

Посланник говорил спокойно. От этого Мирон сердился сильнее: ему уже пришлось мысленно отвечать перед семьями за ещё не случившееся нападение, а собеседник словно видел только собственную подпись.

— Подготовьте гостевой покой, — велел Мирон начальнику. — До сверки из обители не выпускать. Покормить. Письменные вопросы принесут туда.

— Уйти всё-таки могу?

Ответ требовался именно сейчас. Можно было дать охрану, послать человека вместо него, потерять день поставки. Мирон выбрал оставить его у себя.

— Пока нет.

Начальник записал приказ в караульную книгу. Мирон подписал.

Посланник собрал поручения в сумку. Дозорный предложил помочь, получил отказ. Мирон прошёл с ними в коридор и своей рукой изменил гостевой пропуск на подготовленной дверной пластине.

В покое стояли кровать и стол, из кухни уже несли хлеб. Посланник положил сумку на стул, повернулся к двери и приложил личный ключ. Запор не отозвался. Он попробовал ещё раз, задержал руку у пластины. Для самостоятельного прекращения запрета внутри не было ни рычага, ни отдельной клавиши.

— Не беспокойтесь, вас обеспечат всем нужным, — сказал дозорный с порога.

— Всем нужным для чего?

Мирон слышал вопрос. Мог ответить сам, вернуть обычный пропуск, отозвать приказ прежде, чем дверь закроется. Вместо этого подтвердил дозорному: сообщать ему о каждой просьбе выйти. Дождался, пока запор встанет, и вернулся к схеме перехвата.

К приезду Аглаи полуденный срок уже прошёл. По второму донесению, крепления сняли, нападавших не нашли. Связи посланника с ними не установили. Срока окончания его удержания Мирон не назначил.

Аглая поднялась с дорожной сумкой, в запылённом плаще. Он встретил её у лестницы. Она улыбнулась, потянулась коснуться его руки и тут же заметила, как он её держит.

— Опять пробовал?

— Утром. Расскажу.

Из дальнего покоя донёсся стук. Дежурный пошёл к двери, выслушал через неё просьбу позвать писаря и ответил, что хозяин занят.

Аглая обернулась. Мирон ещё не успел предложить ей пройти в мастерскую, когда посланник спросил громче:

— Запишут, с какого часа здесь держат, или тоже после сверки?

Она подошла к двери раньше Мирона. Увидела погашенную отметку гостевого выхода и спросила дежурного, где прекращают ограничение изнутри. Тот показал наружную пластину.

— Это снаружи. Человеку как выйти?

— По разрешению Мирона Андреевича. Для безопасности оставлен.

Аглая поставила сумку на пол.

— К вам с вопросами пустят? — спросила через дверь.

— Если хозяин позволит. Нужен писарь комиссии. Попросите записать, что отказался подписывать за жителей без их поручения, а потом перестал открываться мой ключ.

В чужом пересказе приказ показался Мирону хуже. Он заговорил резче, чем собирался:

— На дороге готовили перехват. Сведения могли уйти со складов. До проверки отвечает за него наша охрана.

Аглая повернулась к нему.

— Его в чём обвиняют?

— Пока проверяют.

— Отказаться от подписи он мог?

— Отказался. Этого никто не оспаривает.

— А уйти после отказа?

Мирон посмотрел на дежурного. Тот стоял, ожидая распоряжения, с рукой у дверной пластины.

— Здесь я отвечаю за всех. Если отпустить человека и вслед за ним ударят по обозу, объясняться тоже мне.

— Обыскали его? Нашли передачу сведений?

— Нет.

— Тогда охраняй дорогу. Предложи сопровождение. Зачем тебе человек за этой дверью?

Хотелось увести её от дежурного. Рассказать день с начала: счёт за мост, проваленную пробу, очередное «не поручали». Объяснить так, чтобы она хотя бы сперва пожалела его.

Из покоя спросили:

— Можно воды? В кувшине кончилась.

Дежурный посмотрел на Мирона. Даже за водой теперь приходилось обращаться через его человека.

Мирон послал за кувшином и велел привести писаря. Начальника дозора вызвал сам. Пока ждали, Аглая подняла сумку. Не ушла, но и не приблизилась к нему.

При писаре и начальнике он снял собственное ограничение. После этого отступил, оставив посланнику место у выхода.

Тот сначала проверил ключ. Открыл дверь, вышел в коридор и лишь там обернулся к Мирону. Сумку держал в руке. На манжете виднелось мокрое пятно, на пальцах — размазанные чернила.

— Приказ об удержании дал без доказательств вашего участия, — сказал Мирон. — Он отменён. Можете уехать. Если согласитесь продолжить разговор, условия переноса обсудим при писаре.

— Уеду.

Мирон кивнул, хотя всё ещё надеялся на другой ответ.

— Прошу копию приказа, время открытия и запись об отсутствии обвинения. Жалобу подам комиссии. Вашего признания вместо разбора не приму.

— Получите.

— Подводы уже ушли. Обещать новый срок не уполномочен. Придётся снова договариваться, и поедет другой человек.

— Потерянный наём оплатим.

— О выплате пусть решают с документами. Сейчас обещаний довольно.

Посланник забрал копии. На сопровождение по большому тракту согласился, к складам возвращаться отказался. Мирон дал ему лошадь до поста и провожатого. Убедился, что гостевой ключ снова открывает дверь, и посторонился. Следом вышел писарь с записью для комиссии.

До вечера Вера пересчитала расходы. За сорванную отправку следовало оплатить порожний прогон подвод и лишнее хранение груза. Срочный настил пришлось делать из более дорогого материала, иначе по дороге не прошли бы ближайшие поставки зерна. Денис предложил перенести ремонт своей мастерской. Мирон отказался и перечислил остаток средств, отложенных на собственное жильё. Последний срок привоза бруса в ведомости оставили пустым.

В объяснении для комиссии Мирон зачеркнул «угрозу дороге». Указал, от кого пришло донесение, чего не выяснил и какой приказ отдал. Подписал обе страницы. Вера молча дочитала и вернула их в прежнем порядке.

Аглая нашла его за столом. Принесла из дорожной сумки мягкий валик, который он забыл в городе, и положила рядом. Мирон подложил его под локоть. На время стало легче.

— Верхний дом сегодня не покажу, — сказал он.

— Завтра посмотрим. Заказ начну утром. Только не жди, что эта бумага исчезнет из-за нашего вечера.

— Не жду.

Он ещё не знал, как разговаривать с ней после коридора, не добиваясь немедленного примирения. Спросил, поужинала ли с дороги. Она попросила принести еду к общему столу и ушла снять плащ. У него осталось время до закрытия почты.

Для Шэнь Мирон отметил на схеме перехват и начало боли. Вторым листом отправил рассказ об отказе посланника, собственном приказе и времени освобождения. Жалоба ещё не могла дойти до наставницы. Пакет отнёс сам; его приняли на подготовленную узловую линию в Неусыпь. Квитанцию с сегодняшней датой убрал к своему приказу.

Глава 6. Работа под моей подписью

Авдотья

Когда привезли архивное дело, Нина попросила освободить весь стол. Пришлось снять чашку, поднос с хлебом и мою сумку. За край стола зацепилась нитка от моего обшлага; потянулась убрать правой рукой и остановилась. Жёсткую подкладку Серафима уже позволила снять, но пальцы слушались плохо. Узелок развязала левой, обрезать не стала: ножницы лежали по другую сторону пакета.

Служебный архив передали накануне. По разрешению Елены хранитель нашёл указанный в описи ящик; связку приёмок сверили и запечатали для нас. Теперь сопровождавший стоял у двери, Нина раскрывала пакет. Приехала раньше срока. Хотелось, чтобы Нина не торопилась.

— Сначала посмотрим, откуда снято, — сказала она.

Под обёрткой с двумя подписями передачи лежала сшитая связка со старыми закладками. Нина открыла опись: между общей приёмкой и расходами в архивном экземпляре сохранилась пропущенная строка — исполнительное приложение к продлению аварийной поддержки.

Вспомнила, как одиннадцать дней назад Аглая сводила номера. Тогда требовалось найти недостающий лист, и задача казалась достаточно понятной. Теперь лист лежал передо мной. Краешек потемнел от пальцев; возле шнуровки держалась крошка старого сургуча.

Свою копию акта достала из сумки. Её видели все, после нападения проверяли снова. Внизу стояла ссылка на невыданное приложение. О продлении уже рассказывала союзникам; считала, что про себя ничего не утаила.

Внизу архивного листа увидела маленькую дужку с косым штрихом. Так отмечала проверенный подхват: сначала считала нити, затем ставила знак. У дужки была короткая вторая черта. Плохо писало перо, пришлось провести ещё раз.

— Это моё, — сказала Нине.

Она подвинула лист ближе. Не просила вспомнить, кто велел и почему согласилась. Указала на строки над отметкой. Срок совпадал с моей тетрадью: прошло несколько месяцев после того, как Павла объявили погибшим. Принесли срочную работу. В повреждённом объёме оставались люди, и без поддержки могла сложиться жилая часть.

Помнила тяжёлую ткань на двух козлах, миску с остывшей водой возле локтя. Хотела закончить до ночи. Потом должна была уехать из дворца на несколько дней; поездка так и не состоялась. О Павле тогда уже говорили в прошедшем времени.

В моей копии подхват получал питание, сбрасывал избыток и сохранял проход. На архивном листе к этой линии примыкала вторая: пересекала границу моей работы и возвращалась к наружному запору.

Взяла деревянный указатель. Кончик дрожал, пришлось опереть его о подкладку.

— Здесь выход удерживают?

Нина прочла подпись под рисунком:

— Прекращение местного допуска до внешнего разрешения. Это нужно сверить с самой связью.

— А поддержка?

— Соединена с той же приёмкой. Номер внизу.

В моей бумаге этого номера не было. Две ветви принимали вместе, хотя мне выдали описание одной. Отсутствующая страница делала их отдельными только для меня.

Провела левой ладонью по юбке. В комнате было тепло, даже душно; сопровождавший снял перчатки и держал их за спиной. Попросила открыть форточку. Пока он возился с задвиж-

кой, смотрела на приёмочный номер и пыталась вспомнить, видела ли его где-нибудь ещё. Не вспомнила.

— Получается, всё это время мой шов…

Не закончила. Нина не стала заканчивать за меня.

— Документ показывает соединение. Не каждого человека и не каждое последующее распоряжение. Нужно установить, что сохранилось сейчас.

Захотелось немедленно принести покрывало, поднять подгиб и показать, что удержания в моих стежках нет. Свой шов могла бы узнать вслепую. Но на листе тоже узнала собственную руку, и обе вещи оставались настоящими.

— О запрете выхода не знала, — сказала. — Мне показывали только поддержку.

— Запишем именно так.

Убрала указатель, позволяя Нине снять копию. На обороте оказались чужие приёмочные подписи и моя — о сроке. Под ней ещё несколько строк. Те же слова были в моей тетради. Захотелось перевернуть лист обратно, к невыданному приложению.

На готовом оттиске проверила каждую развилку. Попросила повторить участок у запора: он отпечатался бледно. Нина заменила бумагу. Второй оттиск получился чётким. Его следовало оставить таким, хотя пустое белое место вместо добавки ещё утром вполне меня устраивало.

На следующий день поехала в независимую приёмную с копией приложения и старой тетрадью. По дороге заехала к Серафиме. Она разрешила лёгкую работу пальцами, велела делать перерывы и снова спросила, зачем мне непременно проверять силу больной руки. Ответила, что в приёмной силу проверять не стану. Она посмотрела поверх очков и перевязала кисть мягкой полосой.

Тетрадь положила перед Ниной раскрытой. Всю дорогу продумывала объяснение: нельзя было увидеть линию, которой не было в выданной схеме. Старую работу принимали другие люди. В повреждённом объёме могли задохнуться служащие. И если бы отказалась, подхват всё равно стал бы чинить другой мастер, менее знакомый с тканью.

Про другого мастера сказала первой. Слова прозвучали убедительно. Даже пожалела, что не с них начала вчера.

Нина выслушала и подвинула к себе тетрадь.

— Кого могли позвать?

— Не знаю, кого назначили бы. Дело не в имени. Им требовалось оставить объём целым.

— Это понимаю. Спрашиваю, кто мог независимо принять вашу работу.

— Принять? Она была сделана как следует. Там хватало запаса. И подхват до сих пор держится.

— А выход кто проверял?

Положила ладонь на тетрадь. Лист под пальцами был жёсткий от старой мучной подклейки. Когда-то на него пролили воду, высушила между двумя досками и подклеила угол, чтобы не терять запись. Берегла толщину нитей, время подхвата, расход на втором повороте. Строка об осмотре тоже сохранилась.

— Мне не давали всю сторону, — сказала. — Посмотри приложение. Даже его не показали. Никто на моём месте не понял бы, куда они присоединили готовое.

— Может быть. Для этого и надо отдельно записать, что вам предъявили. Но второй осмотр вы запрашивали?

Нина не повышала голоса. На столе у неё лежала собственная работа, на которую меня не звали: закрытая папка с расходной описью. Мы заняли её утро по договорённости. Захотелось напомнить, сколько вместе работали, сколько раз приносила им еду, вытаскивала из неприятностей. Не сказала.

— Считала, хватит моей приёмки.

— Тогда покажите, от какой проверки отказались. Не от всего, что теперь знаем. От той, которая была доступна.

Тетрадь раскрылась на нужном месте легко: корешок привык к этому сгибу. Эту строку помнила. Никто не вписывал её вчера, под новую вину. Согласилась продлить подхват до осмотра, а независимую приёмку отложить. Потом добавила ещё несколько слов: повторное предъявление не требуется, если расход остаётся в рассчитанном пределе.

Предел был рассчитан хорошо. Служебное удержание уложили в него.

В приёмной хлопнула наружная дверь. Принесли чужой пакет, Нина попросила оставить у хранителя. Подождала, пока уйдут. Казалось, она даёт время сказать то, чего говорить не хочется.

Тогда распорядитель положил передо мной ведомость оставшегося питания. Объяснил, что до приезда независимого мастера придётся держать дополнительную смену. Не обещал выгнать, не хватал за руку. Сказал, что никто не знает ткань лучше меня. Согласилась быстро, с неприятным удовольствием от того, что без моей отметки не обойдутся. Про людей в аварийном объёме тоже думала. Обе вещи теперь вспоминались вместе.

— Можно было потребовать приёмку со стороны выхода, — произнесла. — Другим мастером. Самому человеку изнутри дали бы проверить прекращение допуска. Или предъявили бы отказ, почему нельзя. В мою ткань для этого лезть не требовалось.

— Такой порядок тогда был?

Показала ссылку на обороте акта. Не на сегодняшнее правило, которое удобно приложить к прошлому. Осмотр наружной стороны и местного выхода входил в обычную независимую приёмку. Ради срочности его разрешалось отложить под подпись ответственного мастера. Последующего осмотра могла потребовать сама.

— Потребовали?

Покачала головой. После первого продления расход оставался ровным. Отчёт присылали, ткань не рвалась, меня продолжали звать по другим делам.

— Я согласилась не звать второго мастера.

Нина записала. Перо остановилось у края строки.

— Не будем писать, что он обязательно нашёл бы удержание. Этого не знаем.

От её уточнения стало немного легче и оттого стыднее. Уже готовилась объяснять, что осмотр тоже могли подделать.

— Напишем, что не потребовала, — сказала. — И приняла чужой отчёт вместо осмотра.

До полудня составляла дополнение к прежним показаниям. На первом листе изложила всё, что мне говорили о повреждённом объёме. На втором назвала доступную проверку и собственное согласие обойтись без неё. Отдельно указала: о запрете выхода не знала, Павла считала погибшим.

На черновике ещё стояло «вынуждена была». Перечитала соседнюю фразу, спросила Нину, не поздно ли заменить. Она подала чистый лист. Написала «согласилась».

Правой рукой удалось придержать бумагу, пока выводила левой последние строки. Почерк вышел неровный. Пришлось прочитать написанное вслух хранителю, чтобы при заверке не гадали над окончаниями. На словах о погибшем Павле запнулась. Попросила воды и начала это предложение заново.

Нина сохранила сверку, с тетради сняли нужные страницы. Моё подписанное дополнение ушло Елене и независимому хранителю, третий экземпляр оставили мне. Сам архивный лист сохранили в деле.

Под вечер принесли подтверждения приёма. Дважды разворачивала лист, будто под подписью могло появиться ещё что-то, потом сложила рядом со своей записью.

Нина перед уходом спросила, разрешаю ли передать копию мастерам, которые будут проверять шов. Это означало, что Клавдия прочтёт и строку о независимом осмотре. Ответила не сразу. Представила, как она читает знакомую подпись.

— Передай полностью, — сказала наконец. — С приложением. На пробу нужно идти с обеими ветвями.

Тетрадь закрыла сама. Застёжка не поддалась больным пальцам, но обернуть её полосой ткани сумела левой. Несла к экипажу под мышкой, как давно законченную работу, которую почему-то опять приходилось показывать людям.

Через два дня вернулись в мастерскую. Покрывало лежало в своём сундуке во Дворе Тихой Чаши. Сначала Клавдия разложила инструменты, потом достала моё дополнение. Прочла последнюю страницу при мне, сложила и убрала в рабочую папку. Ждала вопроса, но она только уточнила, ту ли наружную полосу брать для пробы.

Нина приехала со своими мерками. Егор закончил приёмку подготовленного участка, напомнил время конца смены. Попросила поставить часы так, чтобы видела со своего стула.

Обычная дверь во двор оставалась открытой. За ней возили ящики для школы; проход туда не зависел от нашей работы. Сундук раскрыла своим ключом. Клавдия придержала крышку, вынула ткань и развернула на прежней подкладке. Запястье укрыла повязкой, правую руку оставила на подушке. Серафима разрешила короткую направляющую пробу при внешней опоре, запретив принимать вес и натяжение на себя.

Хотелось найти удерживающую добавку, отделить её и наконец показать остальным хорошую работу. Приложение давало место соединения: в старой схеме оно выглядело обычным продолжением подгиба. Теперь знала, какую возвратную петлю искать.

Указала Клавдии на нужный край. Её знакомые крепления стояли снаружи; глубину должна была проверить сама. Два пальца левой руки положила на костяную направляющую. Основную нагрузку приняла стойка. Провела малую долю ци вдоль известного стежка до обозначенного соединения.

Под подгибом открылся узкий зависимый карман. В нём виднелась часть порога, дощечка служебного запора и край воздуховода. Дальше мешала складка. Никакого лица оттуда не увидели и никого не звали проходить. На прежнем рисунке этого ответвления не было.

Прибавлять силу перестала, а дальняя сторона то натягивала нить, то отпускала её. Егор считал расход, Нина записывала изменения на отдельной мерке. Старый оттиск так отвечать не мог: там продолжали работать сейчас.

— Есть действующая сторона, — сказала она. — Кто её обслуживает, здесь не видно.

Был проход, рассчитанный на человека, и работающий воздуховод. Этого хватало, чтобы не перерезать общую поддержку.

На новой полосе отвели маленькую пустую складку; старую связь оставили целой. Егор подавал питание снаружи, Клавдия держала подхват. Бумажную крыльчатку вдвинули на длинном держателе, выход проверили меркой.

Крыльчатка вращалась, мерка проходила свободно. Обе линии приложения сходились у одной отметки. Здесь и попробовали разделить питание с запретом.

Наклонилась, посмотрела с изнанки. Ещё одна петля, и станет видно, зачем понадобился общий номер.

— Ослабляю только нашу наружную сторону, — предупредила остальных.

Поддержку Егор сохранил. Начала отводить удерживающий стежок с опытной полосы. На первом движении мерка прошла. На втором её край упёрся в закрывшийся порог. Крыльчатка сделала пол-оборота и встала.

Питание по-прежнему шло. Притока воздуха в пробной складке больше не было.

Успела подвести направляющую обратно, но петля уже затягивалась в обратном порядке. Пришлось бы ловить её весом руки — тем самым движением, которое запретила Серафима. Отдёрнула пальцы от костяного края.

— Стоп. Возвращаем старое натяжение.

Егор прекратил пробную подачу по моему знаку. Клавдия выбрала заранее оставленный запас, прижала подхват к внешней опоре. Ткань натянулась между двумя держателями. Придержала освободившуюся направляющую, не давая соскочить на пол.

Крыльчатка дрогнула. Сначала повернулась одна лопасть, затем остальные. Когда приток восстановился, Егор вытянул мерку обратно на стол. Старую сторону не отпускали до конца остановки. Только после этого Клавдия сняла новую полосу. Возле пробной петли на ней разошлись две нити.

Сидела и смотрела на разрыв. Казалось, следовало заметить раньше. Не вчера на бумаге — здесь, когда на первом движении мерка ещё проходила. Егор подал воду. Взяла стакан левой; правая под повязкой начала ныть, хотя не успела ничего удержать.

— До старой стороны дошло? — спросила Клавдия.

— Нет, — ответила. — Обратная мерка не изменилась. Закрылась только наша пробная складка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.